

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАНКРАТІЯ СУМАРОКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ Типографіи А. Плюшара.

1832.

Sumarokov, Pankratiĭ

СТИХОТВОРЕНІЯ
ПАНКРАТІЯ СУМАРОКОВА.

Va subir du public les jugemens fantasques,
. . . .
Chercher en vain quelqu'un d'humeur à l'admirer,
Et trouver tout le monde actif à censurer!
Vas des auteurs sans nom grossir la foule obscure,
Egayer la Satire . . . .
La Métromanie, acte III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШАРА.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Апрѣля 19 дня 1832 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

ПОЧТЕННѢЙШЕМУ

РУССКОМУ

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Книга, которую неизвѣстный книгомаратель вздумалъ украсить Имѐнемъ Ва́шимъ — Именемъ столь любезнымъ Россійскимъ Музамъ — такое точно приращеніе сдѣлаетъ Вашей славѣ, какое полушка сокровищамъ Великаго могола. — Но я отнюдь не такъ гордъ, чтобъ, посвящая Вамъ маловажныя произведенія слабаго моего пера, думалъ польстить Вашему самолюбію; я желалъ единственно изъявить Вамъ мою благодарность за несравненное удовольствіе, причиненное мнѣ чтеніемъ безподобныхъ Вашихъ сочиненій, которыя скромности Вашей угодно было назвать Бездѣлками.

Творецъ Аглаи, бѣдной Лизы,
И множества другихъ
Бездѣлокъ *милыхъ таковыхъ!*
Мнѣ кажется, весна съ своей небесной ризы
Богатства райскія всѣ ссыпала на нихъ —
Толико прелесть ихъ безмѣрна!
Скажи жь мнѣ, гдѣ нашелъ секретъ Ты такъ писать,
Что послѣ Геснера, Руссо, Грессета, Стерна,
Съ восторгомъ льзя Тебя читать?

Удостойте, Милостивый Государь! благосклонно принять сію, хотя слабую, но безкорыстную и чистосердечнѣйшую жертву того истиннаго почтенія и преданности, съ коими я за честь себѣ поставляю называться Вашимъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

нижайшимъ слугою

П*. С*.

ЖИЗНЬ

П. П. СУМАРОКОВА.

Панкратій Платоновичъ Сумароковъ родился 1765 года, Октября 14-го, во Владимірѣ. Предки Сумарокова сдѣлались извѣстны у насъ со временъ Петра Великаго, и одинъ изъ нихъ доказалъ еще въ то время преданность свою къ Царю, пострадавъ за него какъ мученикъ; другой, въ эпоху ближайшую къ намъ, пользовался также милостію Государей и славою извѣстнаго Литератора, — но ему готовилась другая участь, и несчастія, казалось, надъ самой колыбелію его начали собирать тучу, которая въ послѣдствіи такъ грозно надъ нимъ разразилась.

П. Сумароковъ былъ еще въ младенческомъ возрастѣ, когда родитель его лишился разсудка. Этотъ ударъ, сильно поразившій мать Сумарокова, заставилъ ее возвратиться со всѣмъ семействомъ въ свою деревню, въ Тульскую Губернію, гдѣ она однакожъ не въ силахъ была заниматься воспитаніемъ дѣтей. Тамъ жилъ Сумароковъ до 12 лѣтъ, не зная ничего, кромѣ часослова и псалтыря, который старый слуга преподавалъ ему. Наконецъ родственники вошли въ положеніе разстроеннаго семейства: Сумарокова отвезли въ Москву; И. П. Юшковъ принялъ его къ себѣ въ домъ и доставилъ ему воспитаніе вмѣстѣ съ сыномъ своимъ.

Въ то время Французскіе гувернеры встрѣчались въ Россіи рѣже, нежели теперь. Не всякій имѣлъ ихъ, и одни богатые люди позволяли себѣ эту роскошь; почему многіе дворяне, — даже жители Москвы, — просили Юшкова, чтобы онъ позволилъ дѣтямъ ихъ пользоваться уроками живущаго у него Француза. — Не знаю точно, отъ того ли, что тогда были осмотрительнѣе въ выборѣ иностранныхъ учителей, или просто отъ слѣпаго случая, только Monsieur Perlo оправдывалъ въ полной мѣрѣ принадлежащее ему званіе наставника, потому что былъ

человѣкъ умный, съ большими познаніями и прекрасными правилами. Онъ скоро полюбилъ Сумарокова больше всѣхъ учениковъ своихъ, за рѣдкое понятіе, прилежаніе, тихій характеръ, и даже часто говорилъ про него: »Онъ слишкомъ тихъ, слишкомъ благоразуменъ. Я не видалъ отъ него ни малѣйшей шалости, свойственной его возрасту; но за то боюсь, какъ бы онъ со временемъ не сдѣлалъ какую нибудь *каченную* глупость (sottise pommée).« — Слова добраго Француза сбылись въ самомъ дѣлѣ!

Сумароковъ съ жадностію пользовался преподаваемыми ему уроками, и первый изъ всѣхъ своихъ товарищей могъ служить переводчикомъ между учителемъ Юшковымъ, который не зная Французскаго языка любилъ однако же съ нимъ побесѣдовать. Это очень нравилась обоимъ, и они ставили въ примѣръ другимъ ученикамъ Сумарокова, который съ каждымъ днемъ болѣе оправдывалъ хорошее о себѣ мнѣніе. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ у своего родственника, онъ узналъ совершенно Французскій языкъ и могъ на немъ изъясняться и писать также легко и свободно, какъ на природномъ; а съ помощію другихъ учителей, ѣздившихъ къ Юшкову, съ помощію книгъ и соб-

ственнаго прилежанія не менѣе успѣлъ и въ прочихъ предметахъ.

Тогда отвезли его въ Петербургъ и записали Лейбъ-Гвардіи въ Конный полкъ. Но служба не мѣшала ему заниматься науками: онъ учился Италіянскому и Нѣмецкому языкамъ, музыкѣ, рисованью, и самъ старался довершить свое воспитаніе. Между тѣмъ его произвели вахмистромъ, а вскорѣ послѣ того и Офицеромъ въ тотъ же полкъ (въ 1785). Получивъ въ 19 лѣтъ чинъ Гвардейскаго Офицера — что въ то время очень много значило — любимый своими Начальниками и товарищами, съ привлекательной наружностію, большими способностями и познаніями — онъ, кажется, могъ ожидать блистательной будущности; но своенравная судьба, которая такъ часто играетъ смертными, передѣлала все по своему.

Давно уже знаемъ мы, какъ молодые люди должны быть осторожны въ выборѣ знакомствъ своихъ и какъ дурное общество для нихъ гибельно, а теперь увидимъ еще тому доказательство, и доказательство самое разительное. — Брошенный въ вихрь свѣта, оставленный въ 17 лѣтъ дѣйствовать по свободной своей волѣ, — Сумароковъ употреблялъ однако же время свое,

какъ мы уже сказали, съ пользою, и не увлекся ни однимъ изъ пороковъ, свойственныхъ бурнымъ страстямъ юности; но къ несчастію, познакомился слишкомъ коротко съ однимъ сослуживцемъ своимъ N..., который не могъ быть ему пріятелемъ ни по характеру своему, ни по образу мыслей, но обстоятельства сблизили ихъ, такъ какъ унтеръ-офицеровъ одного полка. Сверхъ того Сумароковъ былъ изъ числа такихъ людей, которые не умѣютъ показать непріятнаго вида даже и тѣмъ, кому они совсѣмъ не рады; а пріятель его имѣлъ искусство втираться и поддѣлываться ко всякому. Посѣщенія его, сначала рѣдкія, сдѣлались мало по малу чаще, и наконецъ онъ совсѣмъ почти переселился въ квартиру своего товарища, находя, можетъ быть, гораздо болѣе удовольствія въ обѣдахъ и ужинахъ на чужой счетъ, нежели въ разговорахъ съ нимъ. Онъ часто возставалъ противъ просвѣщенія — или въ самомъ дѣлѣ не постигая пользы его, или изъ одного только пустословія; Сумароковъ старался доказать ему противное и забавлялся иногда нелѣпыми его выходками. Зная бѣдность N. . . онъ съ удовольствіемъ дѣлилъ съ нимъ столъ свой, и хотя замѣчалъ въ немъ вѣтренность,

а можетъ быть и не слишкомъ чистыя правила; но по добротѣ своей не хотѣлъ разорвать знакомства съ товарищемъ, и надѣясь на себя, ни какъ не воображалъ, чтобы пустыя слова такого человѣка могли быть для него опасны. Въ самомъ дѣлѣ, они не поколебали образа его мыслей и строгихъ понятій о чести; но не менѣе того, по какому то странному вліянію судьбы, были причиною его несчастія.

Осенью, – въ тотъ годъ, когда его произвели въ Офицеры, онъ, бывши на службѣ, простудился и нѣсколько дней долженъ былъ просидѣть въ своей комнатѣ. Ему не было скучно: онъ прекрасно рисовалъ, особливо перомъ, и это искусство доставляло ему пріятное занятіе. Въ одно утро, когда онъ сидѣлъ обложенный эстампами и рисунками, N.... вошелъ къ нему и, по обыкновенію началъ шутить надъ его занятіями: – «Что за страсть, сказалъ онъ, марать бумагу и портить глаза? Это двойной убытокъ.«

– «Напротивъ, отвѣчалъ Сумароковъ, рисованье одушевляетъ бумагу и придаетъ ей цѣну; а сверхъ того избавляетъ меня отъ скуки: слѣдовательно тутъ двойная польза.»

– «У тебя на все есть доказательства; одна-

ко жъ я знаю, что за бумагу ты платишь деньги, а за рисунки свои не получилъ еще ни гроша. Что же касается до скуки, то ее можно бы прогнать и картами.»

Между тѣмъ какъ они разговаривали, вошелъ человѣкъ просить денегъ на покупку провизіи. Сумароковъ досталъ книжку, въ которой было нѣсколько ассигнацій, и далъ ему одну изъ нихъ.

— «Вотъ сказалъ N... если бы ты рисовалъ ассигнаціи, тогда бы точно придавалъ цѣну бумагѣ, и я бы согласился, что ты дѣлаешь дѣло.»

— «Согласись лучше, что ты врешь; и я бы не совѣтывалъ тебѣ говорить такія глупости.»

— «По чему же? — вѣдь не все то дѣлается, что говорится. Это одна только шутка, а за шутку вѣрно бѣды бы не было, если бы даже кто нибудь и услышалъ насъ.»

— «Съ этимъ я согласенъ. Только нельзя ли оставить эту шутку и выбрать другую, которая была бы не много поумнѣе.»

— «Не всѣмъ же быть такимъ умникамъ, какъ ты. Но я готовъ биться объ закладъ, что не смотря на весь твой умъ и ученость, у тебя не достанетъ искусства нарисовать ассигнацію.»

— «Во первыхъ я не стану дѣлать такого опыта, а во вторыхъ скажу тебѣ, что если бы къ намъ пришелъ и самъ Рафаель, такъ и тотъ бы не взялся за это, потому что тутъ нужны инструменты, а не рисовальное искуство.»

— «Вѣдь я не говорю, чтобы ты сдѣлалъ настоящую ассигнацію, а по крайней мѣрѣ что нубудь похожее на нее.»

— «Похожее то сдѣлать очень легко,» сказалъ Сумароковъ, оставляя рисунокъ свой и взялъ ассигнацію изъ рукъ N...., который начиналъ уже надоѣдать ему. — «даже такъ можно нарисовать,» прибавилъ онъ шутя, «что такой дуракъ, какъ ты, сочтетъ ее съ перваго взгляда за настоящую.»

— «Полно хвастать, гдѣ тебѣ! — Однако жъ желалъ бы я это видѣть, и тогда бы точно согласился, что ты мастеръ рисовать.»

Такъ, или почти такъ, продолжался разговоръ ихъ до самаго завтрака, послѣ котораго молодые люди разстались.

Оставшись одинъ, Сумароковъ принялся опять за работу и вспомнилъ слова N.... Пагубная мысль сверкнула въ головѣ его: онъ досталъ 100 рублевую ассигнацію, вырѣзалъ по ней тоненькую бумажку, какой обыкновенно перекла-

дываются эстампы, и началъ ее срисовывать, желая доказать своему товарищу, что это не такъ мудрено, какъ онъ думаетъ. — Убѣждать глупца въ искуствѣ своемъ, даже и средствами позволительными, есть конечно дѣло нѣсколько безразсудное и не стоющее труда; но:

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
А всякій человѣкъ есть ложъ!

И особливо въ 19 лѣтъ... Притомъ же Сумароковъ намѣренъ былъ показать N.... ассигнацію, или правильнѣе сказать рисунокъ свой, въ ту же минуту сжечь его, и ни какъ не воображалъ заплатить такъ дорого за поступокъ необдуманный, но невинный.

Роковая ассигнація была готова. На дворѣ начинало смеркаться. N.... опять зашелъ къ Сумарокову и тотъ показалъ ему ассигнацію.

— «Не ужто это ты нарисовалъ?» спросилъ N... подойдя къ окну и разсматривая ее съ удивленіемъ.

— «Натурально. Слова твои подстрекнули мое самолюбіе, и я хотѣлъ доказать тебѣ свое искусство.»

— «Признаюсь, я отъ тебя не ожидалъ этаго; и теперь согласенъ, что ты большой мастеръ рисовать.»

— «Стало быть дѣло кончено. Подай же ее сюда; мы сей часъ велимъ зажечь свѣчу и раскуримъ ею трубку.» —

— «Нѣтъ, братецъ, позволь мнѣ ее разсмотрѣть хорошенько на дворѣ: тамъ свѣтлѣе, а здѣсь такъ темно, что я почти ничего не вижу!»... и не дожидаясь отвѣта, N... выбѣжалъ изъ комнаты.

Проходитъ пять минутъ онъ не возвращается. Это начинаетъ безпокоить Сумарокова. Онъ посылаетъ человѣка на крыльцо, на дворъ, за ворота, не знаетъ, что думать, не знаетъ что дѣлать. Проходитъ полчаса — N... все нѣтъ, Сумароковъ приходитъ въ совершенное отчаяніе: мрачное предчувствіе и смертельная тоска овладѣли имъ. Наконецъ часовъ въ восемь вечера, предатель является завернутый въ лисій мѣхъ. Сумароковъ содрогнулся, увидя на немъ эту обнову, и съ безпокойствомъ спросилъ гдѣ онъ взялъ ее.

— «Не правду ли я говорилъ,» отвѣчалъ N... засмѣявшись, «что гораздо выгоднѣе рисовать ассигнаціи, чѣмъ картинки...» Тутъ онъ разсказалъ, что былъ въ гостиномъ дворѣ, гдѣ купивъ лисій мѣхъ, воспользовался темнотою лавки, и отдалъ за него ассигнацію, которая

была нарисована совсѣмъ не для такого употребленія.

Легко можно представить весь ужасъ и негодованіе Сумарокова, объявшіе его послѣ этихъ словъ. Онъ бранилъ его за предательство, доказывалъ всю мерзость его поступка, заклиналъ сказать, въ какой лавкѣ сдѣлалъ онъ несчастную покупку, и давалъ деньги, желая выкупить роковое доказательство своего неблагоразумія; но на того ничто не дѣйствовало. N. . . говорилъ, что во первыхъ этого ни какъ не возможно сдѣлать въ то время, потому, что лавка была уже заперта, а во вторыхъ увѣрялъ, что это совсѣмъ и не нужно: что дѣло сошло съ рукъ, и что бояться было нѣчего. Наконецъ наскучивъ упреками своего товарища, онъ ушелъ, оставивъ его въ смертельномъ безпокойствѣ. —

Проведя ужасную ночь, Сумароковъ, который все еще не въ силахъ былъ выходить изъ комнаты, послалъ на другой день за N. . . — также однимъ изъ сослуживцевъ своихъ и пріятелей, разсказалъ ему все и просилъ его совѣта. Они отъискали N. . . . и вдвоемъ начали опять уговаривать, чтобы онъ выкупилъ ассигнацію, или по крайней мѣрѣ показалъ лав-

ку, въ которой отдалъ ее; но N. . . не хотѣлъ сдѣлать ни того ни другаго. Онъ боялся показаться купцу, котораго обманулъ, воображая, что изъ того могутъ выдти дурныя послѣдствія, и что въ такомъ случаѣ вся бѣда оборвется на немъ, и доказывалъ, что гораздо безопаснѣе для всѣхъ оставить это дѣло, потому что купецъ вѣрно не можетъ теперь отыскать: кто ему далъ ассигнацію, и что слѣдственно поступокъ его никогда не обнаружится. —

Видя непреклонность N... Сумарокову только оставалось донесть обо всемъ, и тогда бы, можетъ быть, наказаніе его кончилось нѣсколькими днями ареста. Но какъ доносить на товарища! Въ 19 лѣтъ всѣ, или почти всѣ, имѣютъ слишкомъ ложное понятіе о чести; и многіе бы на мѣстѣ Сумарокова сочли за грѣхъ предать правосудію сослуживца, хотя бы онъ и стоилъ того. И такъ не будемъ строго судить его за это упущеніе, происшедшее отъ доброты сердца и ложныхъ правилъ молодости.

Нѣсколько дней прошло въ нерѣшимости и безпокойствѣ; но наконецъ безпечность юности и время уменьшили первый ужасъ. Тайна

осталась между троими, и казалось, въ самомъ дѣлѣ нельзя было опасаться, чтобъ она когда либо открылась.

Купецъ, продавшій мѣхъ, тотчасъ по выходѣ N. . . заперъ лавку, и ассигнація, которую онъ положилъ въ ящикъ, осталась на верху прочихъ денегъ, полученныхъ имъ за продажу того дня. Мы уже сказали, что въ то время одна только темнота не позволила ему разсмотрѣть хорошенько эту ассигнацію; но на другой день натурально какъ лежащая сверху она первая попалась ему въ руки, и онъ въ ту же минуту увидѣлъ ошибку свою. Тогда сто рублей составляли кушъ довольно значительный, и потому то, можетъ быть, купецъ хорошо помнилъ, что получилъ ихъ отъ послѣдняго покупщика своего, физіономія котораго, и безъ того нѣсколько замѣчательная, еще болѣе врѣзалась въ его памяти по этому случаю. Но что было дѣлать? Гдѣ искать виноватаго? N. . . покупалъ мѣхъ въ партикулярномъ платьѣ. Купецъ на вѣрно зналъ, что обманщикъ не пойдетъ въ другой разъ въ его лавку. Однако жъ онъ спряталъ бѣдственную ассигнацію, хотя и считалъ потерю свою невозвратимой,

дѣло совсѣмъ уже конченнымъ. – Слѣпой случай доказалъ тому противное.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ этаго происшествія, N... который и сначала, не смотря на всѣ увѣщанія товарищей, очень мало заботился о сдѣланной имъ глупости; а въ послѣдствіи еще болѣе спокойный, шелъ безпечно по улицѣ, и вдругъ, на поворотѣ выходя изъ за угла столкнулся носъ съ носомъ съ обманутымъ имъ купцомъ. Тотъ останавливается, всматривается, узнаетъ его, кричитъ караулъ; а устрашенный N... также узнавшій купца, пускается бѣжать. Его схватываютъ, спрашиваютъ кто онъ такой и ведутъ къ Михельсону, который въ то время командовалъ Конногвардейскимъ полкомъ. Тамъ онъ во всемъ признался. Послали за Сумароковымъ и N... они подтвердили сказанное и ихъ всѣхъ троихъ посадили на гауптвахту.

Слѣдствіе началось законнымъ порядкомъ: всѣ бумаги арестантовъ были забраны, пересмотрѣны, переписаны; но въ нихъ не нашлось ничего такого, что могло бы увеличить неумышленное преступленіе Сумарокова, и по всѣмъ соображеніямъ, справкамъ и допросамъ оказалось, что дѣло происходило точно такъ,

какъ мы уже его описали. Всѣ члены Военнаго Суда, наряженнаго по этому случаю, обвинили одного N. . . и сожалѣли о двухъ другихъ несчастныхъ своихъ товарищахъ. Но зла поправить было невозможно, и дѣло пошло на разсмотрѣніе къ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Екатерина Великая, столько же милосердая, сколько и правосудная, не могла однако же въ такомъ случаѣ поступить слишкомъ снисходительно. Преступленіе Сумарокова, само по себѣ неумышленное и ничего не значущее, стало преступленіемъ Государственнымъ по употребленію, которое изъ того сдѣлалъ N. . . . Мало ли могло бы сыскаться людей которые можетъ быть вздумали бы употребить во зло милость оказанную Сумарокову? А благо цѣлаго Государства должно быть предпочтено счастію одного человѣка — это аксіома; и потому не будемъ удивляться строгому приговору Монархини, всегда кроткой и премудрой. Можетъ быть даже, что и самое дѣло представили Ей ни въ томъ видѣ. . . . (*) Но какъ бы то ни было, только всѣхъ трехъ подсудимыхъ ли-

---

(*) Въ бумагахъ Сумарокова нашлись сатирическіе стихи, которые, какъ должно думать, вооружили противъ него нѣкоторыхъ Начальниковъ.

шивъ чиновъ и дворянства, сослали въ Сибирь (въ началѣ 1786) N. . . . какъ, истиннаго преступника; Сумарокова, какъ орудіе, служившее къ его преступленію; а N. . . за то,что онъ зналъ обо всемъ и не донесъ. –

Эта исторія надѣлала много шуму въ Петербургѣ. Всѣ жалѣли о Сумароковѣ, и даже носился слухъ будто онъ сосланъ не болѣе какъ на три года, и что по истеченіи этаго времени его возвратятъ опять. Но или слухъ этотъ былъ несправедливъ, или можетъ быть вскорѣ открывшаяся война со Шведами и другія важныя обстоятельства заставили Императрицу забыть о томъ – только пророчество не сбылось, и онъ провелъ въ Сибири, вмѣсто трехъ лѣтъ, пятнадцать.

Мѣстопребываніемъ Сумарокова былъ назначенъ Тобольскъ. Потерявъ свѣтлыя надежды юности, съ отчаяніемъ души ѣхалъ онъ туда; но между тѣмъ нашелъ тамъ людей, которые умѣли оцѣнить его умъ и дарованія, умѣли отличить проступокъ молодости отъ настоящаго преступленія и не дали ему почувствовать всей тягости несчастія. Въ то время былъ Губернаторомъ въ Тобольскѣ Александръ Васильевичь Алябьевъ. Предупрежденный молвою и добро-

той своего сердца, этотъ почтенный человѣкъ принялъ Сумарокова не такъ, какъ сосланнаго за вину, но какъ странника, котораго однѣ только бѣдствія завлекли въ край отдаленной. Онъ полюбилъ несчастнаго, какъ сына, и всячески старался облегчить его участь. Сверхъ того Сумароковъ нашелъ и въ Сибири пріятное общество, умныхъ людей, книги—и скоро увидѣлъ, что не всѣ еще радости жизни для него исчезли.

Несчастіе очень часто развиваетъ таланты, а нужда почти всегда бываетъ лучшимъ нашимъ учителемъ. Сумароковъ видя, что карьеръ его по службѣ былъ конченъ, не захотѣлъ однако жь остаться совершенно безполезнымъ отечеству. Тамъ то вступилъ онъ на литературное поприще, и пріобрѣлъ тѣ обширныя познанія, которыхъ, можетъ быть, никогда бы не имѣлъ безъ того.

Чрезъ три года послѣ прибытія своего въ Тобольскъ, онъ женился (въ 1789). Супруга его получившая также очень хорошее воспитаніе, хотя и могла вести жизнь независимую, но не смотря на то, рѣшилась раздѣлить участь человѣка, котораго цѣнила не по обстоятельствамъ, а по личнымъ достоинствамъ, — зная что положеніе его унизительно только въ глазахъ пред-

разсудка. Между тѣмъ съ женидьбою Сумарокова увеличились и его потребности. Онъ получалъ изъ дому пособіе очень незначительное: одному можно было прожить имъ, для двоихъ оно сдѣлалось недостаточно, и это заставило его завести пансіонъ.

Сначала учениковъ у него было не много, и платы, получаемой имъ, едва доставало для содержанія себя и услуги; но скоро успѣхи его воспитанниковъ и разнообразіе предметовъ, которые онъ преподавалъ имъ обратили на себя всеобщее вниманіе въ краю, тогда еще слишкомъ далёкомъ отъ просвѣщенія. Генералъ Боуверъ, командовавшій линейными войсками и жившій въ Петропавловской крѣпости, услышалъ о томъ. Онъ прислалъ въ Тобольскъ нарочнаго, желая ввѣрить Сумарокову воспитаніе дѣтей своихъ. Условія Генерала были выгодны и Сумароковъ, испросивъ позволеніе у Губернатора, отправился въ Петропавловскую крѣпость.

Тамъ доходъ его удвоился; но тяжелый климатъ и другія обстоятельства не позволили ему долго прожить въ крѣпости. Чрезъ два года онъ опять возвратился въ Тобольскъ. Зеленцовъ, богатый Верхотурскій купецъ, имѣвшій

большое семейство, очень обрадовался его возвращенію. Этотъ Зеленцовъ былъ человѣкъ умный отъ природы. Онъ не имѣлъ предразсудковъ свойственныхъ въ тогдашнее время людямъ его класса, зналъ, что воспитаніе есть лучшее наслѣдство, которое только родители могутъ оставить дѣтямъ своимъ и умѣлъ оцѣнить таланты Сумарокова; который не пощадилъ за то ни трудовъ своихъ, ни познаній для дѣтей Зеленцова, ввѣренныхъ его попеченію. Въ послѣдствіи, когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Петербургъ, ни кто не хотѣлъ вѣрить, чтобы молодой человѣкъ могъ пріобрѣсть столько свѣдѣній не выѣзжая изъ Сибири; а еще болѣе удивлялись тому, что у него былъ одинъ только учитель (*).

Зеленцовъ жилъ въ Верхотурьѣ, куда А. В. Алябьевъ, также какъ и въ крѣпость, позволилъ ѣхать Сумарокову. – Потомъ онъ переселился въ Тобольскъ и тамъ уже Сумароковъ остался постоянно до самаго своего возвраще-

---

(*) Александръ Алексѣевичь Зеленцовъ, о которомъ говорю я здѣсь, самъ писалъ это изъ Петербурга, изъявляя благодарность своему наставнику. — Братъ его, Капитонъ Алексѣевичь, извѣстный публикѣ прекраснымъ талантомъ своимъ въ живописи, также сначала учился у Сумарокова.

нія въ Россію. Зеленцовъ нанималъ для него спокойную квартиру и, кромѣ платы, доставлялъ все нужное содержаніе. Сверхъ того онъ имѣлъ еще другихъ учениковъ, и получалъ очень хорошій доходъ, что въ послѣдствіи доставило ему способъ купить собственный домъ, собрать небольшую библіотеку и кабинетъ минераловъ. — Дмитрій Родіоновичь Кошелевъ, новый Губернаторъ, смѣнившій Алябьева, былъ также хорошо расположенъ къ нему, и онъ, любимый и уважаемый всѣми жителями Тобольска, занимаясь науками и литературой, провелъ послѣдніе годы пребыванія своего въ Сибири очень пріятно.

Тамъ Сумароковъ издавалъ журналъ *Иртышъ превращающійся въ Ипокрену*, въ 1791 году, вмѣстѣ если не ошибаюсь съ И. И. Бахтинымъ, который былъ Прокуроромъ въ Тобольскѣ, и Воскресенскимъ, учителемъ тамошней Гимназіи. — Въ 1793 и 94 годахъ онъ издалъ: *Библіотеку ученую, економическую, нравоучительную, историческую и увеселительную*, которая составляла 12 томовъ (1); а въ 1799 первую часть своихъ стихотвореній (2).

---

(1) А. В. Алябьевъ купилъ эту книгу за 1000 руб. на счетъ Тобольскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, напечаталъ

Но не смотря на всѣ эти занятія, не смотря на всѣ эти связи и знакомства, которыя сдѣлалъ онъ въ Тобольскѣ, давно оставленная родина все мечталась невинному изгнаннику и желаніе опять увидѣть ее, опять возвратить прежнія права свои-волновала его душу. АЛЕКСАНДРЪ I воцарился. Сумароковъ написалъ просительное письмо на Высочайшее имя, и съ помощію одного почтеннаго родственника, употребившаго свое ходатайство предъ лицемъ милосерднаго Монарха-въ 1801 году получилъ прощеніе. –

Возвратившись въ Россію, онъ поселился въ деревнѣ своей, въ Тульской Губерніи и продол-

---

ее, разослалъ для продажи по всѣмъ Сибирскимъ городамъ, и она кромѣ удовольствія, доставила читателямъ много пользы, Въ статьѣ *экономической*, между прочимъ, былъ помѣщенъ рецептъ лекарства отъ лихорадки, въ то время еще мало извѣстнаго. Желтая лихорадка свирѣпствовала тогда въ Якутскѣ. Тамошній Комендантъ Козловъ-Угренинъ употребилъ это средство съ большимъ успѣхомъ, и изъявилъ благодарность всѣхъ жителей Якутска письмомъ къ издателю, которое и напечатано въ той же библіотекѣ. Эта книга расположена въ родѣ періодическаго изданія; каждая часть раздѣлена на статьи упомянутыя въ оглавленіи.—Кажется она совершено неизвѣстна нашимъ библіографамъ.

(2) Около этого же времени посѣтилъ его извѣстный Нѣмецкій писатель Коцебу, который, возвращаясь изъ Сибири, проѣзжалъ чрезъ Тобольскъ и провелъ у Сумарокова цѣлый вечеръ.

жалъ заниматься литературой. Въ 1803 году издавалъ *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія.* Въ 1804 началъ было издавать *Вѣстникъ Европы,* (*) но не имѣя сотрудниковъ, и по жительству своему въ деревнѣ затрудняясь полученіемъ нужныхъ матеріяловъ, изнурилъ себя неумѣренной работой, занемогъ и бросилъ все. Въ 1807 году онъ издалъ вторую часть своихъ стихотвореній, и съ тѣхъ поръ уже не писалъ болѣе стиховъ, а только составлялъ экономическія и врачебныя книги, и переводилъ романы; въ 1808 году онъ издалъ *Источникъ здравія,* въ 1809 *Способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ.* Послѣ того собиралъ еще *Медико-Хирургическій магазинъ,* котораго не успѣлъ однако же выдать въ свѣтъ. Изъ романовъ онъ перевелъ: *Вильволя фонъ Сотенбургъ*, Пиго ле Брюна, и отдалъ его въ цензуру, гдѣ, въ 1812 году, рукопись затерялась, и романъ не былъ напечатанъ. Первая часть *Бота*, котораго онъ также переводилъ, подверглась той же участи; вторая сохранилась

(*) Сумароковъ пользовался личнымъ знакомствомъ Н. М. Карамзина, и принялъ на себя изданіе Вѣстника Европы по его желанію.

въ рукописи, а двѣ послѣднія остались не переведены.

Между тѣмъ, желая устроить усадьбу свою, которую нашелъ въ величайшемъ безпорядкѣ, Сумароковъ поразстроилъ свои обстоятельства. Стараясь поправить ихъ, онъ завелъ лазорную фабрику, суричную, поташную и еще нѣкоторыя другія. Всѣ эти заведенія заставили его познакомиться съ Химіей, къ которой онъ совершенно пристрастился, и въ послѣдствіи химическіе опыты составляли любимое его занятіе. Нѣкоторые изъ нихъ были удачны; но дѣла его все еще медленно поправлялись, потому что онъ не имѣлъ дѣятельности, нужной для коммерческихъ оборотовъ. Взявъ какую нибудь пріятную книгу, онъ забывалъ съ ней и дѣла свои и заводы; а бесѣдуя съ Шапталемъ или Лавуазье, лежа на диванѣ, и любя прилагать теорію ихъ къ практикѣ въ своей лабораторіи, не обращалъ почти ни какого вниманія на хозяйственную часть своихъ заведеній. Не смотря на то лазорный заводъ приносилъ ему порядочную прибыль. Книга: *Способъ быть здоровымъ*, также хорошо расходилась; но 12 годъ уничтожилъ все на чисто: краски, отправленныя для продажи въ Москву, сгорѣли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и

всѣ оставшіеся экземпляры книги, что составило убытокъ очень значительный.

Сумароковъ перенесъ эту потерю довольно равнодушно; но тутъ ужъ дѣла его совершенно разстроились. Всѣ заведенія остановились и пустить ихъ въ ходъ было почти невозможно. Онъ много задолжалъ, не имѣлъ средствъ сдѣлать никакого оборота: думалъ, безпокоился и это, можетъ быть, ускорило преждевременную кончину его. Въ 1813 году онъ занемогъ, и въ началѣ болѣзни пренебрегалъ ею. Въ послѣдствіи открылась у него водяная, къ ней присоединилась ипохондрія; пособія Медицины были употреблены напрасно и онъ кончилъ жизнь 1814 года Марта 1-го, на 49 году отъ рожденія.

Онъ былъ сложенія сыраго и флегматическаго; но имѣлъ чувствительную душу, умъ живой, тонкой и насмѣшливый. Въ обществѣ сначала бывалъ молчаливъ и угрюмъ; но разговорившись, становился пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Анекдоты, шутки, острые слова лились у него рѣкой и каждый слушалъ его съ удовольствіемъ. Происшествіе ничего незначущее, случай самый простой, онъ умѣлъ сдѣлать занимательнымъ, расказать о немъ пріятно; во

всемъ мастерски отыскивалъ смѣшную сторону и выставлялъ ее самымъ забавнымъ образомъ. Всѣ знакомые чрезвычайно любили его, потому что онъ, при всей своей склонности къ насмѣшкѣ, былъ добръ, какъ нельзя больше, и въ жизнь свою ни кому не сдѣлалъ зла, а добро многимъ. Кромѣ Французскаго языка зналъ онъ также Нѣмецкій, Италіянскій и Латинскій; былъ хорошій музыкантъ и прекрасно игралъ на скрыпкѣ и фортепіано. — Возвратившись въ Россію, Сумароковъ не хотѣлъ уже искать счастія по службѣ; но въ 1807 году находился однако же въ милиціи. — Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ: *Разговоръ о Химіи*, Лавуазье, котораго онъ не успѣлъ уже кончить.

Я писалъ жизнь П. Сумарокова, какъ Историкъ; но по многимъ причинамъ не принялъ на себя обязанности быть его Критикомъ, и говоря о немъ, какъ о человѣкѣ, не судилъ о литературныхъ трудахъ его, хотя и знаю, что это было бы не лишнее. Творенія Сумарокова давно уже извѣстны публикѣ; но они изданы въ такое время, когда еще свѣтильникъ Критики слишкомъ слабо озарялъ темное поле нашей словесности. Можетъ быть теперь, второе изданіе книги заставитъ людей просвѣщенныхъ

и благонамѣренныхъ разобрать подробнѣе достоинства и недостатки ея сочинителя, и указать на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать между нашими Поэтами. –

СКАЗКИ.

АЛЬНАСКАРЪ.

БЫЛЬ.

Quel esprit ne bat la campagne?
Qui ne fait châteaux en Espagne?
. . . .
Autant les sages que les fous :
Chacun songe en veillant, il n'est rien de si doux.
La Fontaine.

На сивомъ Октябрѣ верхомъ
Борей угрюмый подъѣзжаетъ;
Сибирскихъ жителей (*) въ тулупы наряжаетъ;
Зефировъ гонитъ голикомъ;
Опустошая царство Флоры,
На стеклахъ пишетъ онъ узоры.

(*) Сія піэса сочинена въ Сибири.

Мухъ въ щели, птицъ въ кусты, звѣрей же гонитъ
въ норы.
Съ бровей на землю онъ стрясаетъ снѣжны горы;
Въ рукѣ его блеститъ та хладная коса,
Которой листьевъ онъ лишаетъ древеса.
Грозитъ покрыть Иртышъ алмазною корою
И пудритъ мерзлою мукою
Сосновы черные лѣса.
Въ Сибири чѣмъ убить такое скучно время?
Велимъ-ка дровъ принесть беремя:
Затопимъ камелекъ,
Разложимъ алинькой трескучій огонекъ,
Сорокаградусны забудемъ здѣшни хлады;
А я,
Скажу вамъ сказочку, друзья,
Котору бабушка покойница моя
Слыхала отъ Шехеразады. —
Одинъ
Персидской мѣщанинъ,
Которому отецъ въ наслѣдство
Сто драхмъ оставилъ серебра,
Желая пріобрѣсть поболѣе добра,
Расчелъ, что лучшее для этого есть средство
Въ торги вступить;
Но чтожъ ему купить?
Не могши дорогимъ снабдить себя товаромъ,
Посудой вздумалъ онъ стеклянной торговать. —
Ахъ! чуть-было вѣдь я не позабылъ сказать;

Что звали *были* сей Героя Альнаскаромъ. —
Тотчасъ онъ накупилъ
Бутылокъ, карафиновъ,
Стакановъ, рюмокъ и кувшиновъ,
Въ мигъ изъ лубковъ себѣ шалашикъ смастерилъ;
Посуду въ коробъ склалъ, продажи ожидая,
И сѣвши передъ нимъ, онъ такъ заговорилъ,
О будущихъ своихъ сокровищахъ мечтая:
»Посуду эту всю въ недѣлю я продамъ,
»И черезъ то казну свою удвою;
»А тамъ
»Недѣли черезъ двѣ утрою,
»Потомъ учетверю,
»Потомъ ужъ голосомъ не тѣмъ заговорю.
»Богатства потекутъ тогда ко мнѣ рѣкою;
»И былъ бы очень я плохой купецъ,
»Когда бы наконецъ
»Не накопилъ себѣ драхмъ тысячь сто имѣнья.
»Въ то время я уже съ посудою прощусь,
»И продавать пущусь
»Лишь драгоцѣнныя, рѣдчайшія каменья.
»Какъ будетъ золъ
»Великой на меня Моголъ,
»Услышавъ, что его алмазы
»Передъ моими всѣмъ покажутся за стразы!
»Я буду только тѣ каменья продавать,
»Въ которыхъ вѣсу фунтовъ пять;
»А тѣ, которые по грецкому орѣху,

»На драку стану я пригоршнями бросать. . .
»Вотъ тутъ-то будетъ смѣху!
»Когда же отъ своихъ великихъ я торговъ
»Червонцевъ накоплю съ полсотни сундуковъ,
»Тогда пошлю пословъ
»Звать Визиря къ себѣ на пару словъ,
»А можетъ быть его оставлю и откушать.
»Но если вздумаетъ меня онъ не послушать,
»Или замѣшкаетъ на зовъ явиться мой,
»Тогда прощайся онъ на вѣки съ бородой.
»Я притащить его велю и на арканѣ;
»А борода его
»Послужитъ флюгеромъ для дому моего,
»Или на праздничномъ моемъ диванѣ
»Пусть развѣваетъ, какъ трофей
»Примѣрной храбрости моей.
»Но нѣтъ, я думаю, что онъ тотчасъ прискачетъ.
»Дозволю я ему передъ собою сѣсть,
»И такъ скажу: Визирь! неслыханную честь
»Я дѣлаю тебѣ, послушай! будь мнѣ тесть.
»Отъ радости такой нежданной онъ заплачетъ,
»И повалится вдругъ къ ногамъ моимъ какъ снопъ;
»Я подниму его и поцѣлую въ лобъ,
»Сказавъ, что дочь его люблю изъ всей я мочи;
»А въ доказательство, что правду говорю,
»Я поклянусь ему, что послѣ первой ночи
»Червонцевъ тысячу ему я подарю.
»Тогда поѣдетъ онъ для свадьбы дѣлать сборы,

»Готовить дочери богатые уборы,
»И словомъ: такъ тогда мы оба заспѣшимъ,
»Что церемонію на третій день свершимъ.
»Я привезу жену мою въ свои палаты,
»Которы будутъ такъ огромны и богаты,
»Что будь на вѣки я кисельникъ и страмецъ,
»И не купецъ,
»А чушка,
»Коль Шаха нашего Дворецъ
»Ни что, какъ гадкая предъ оными лачужка. —
»Теперь, покупщиковъ еще покуда нѣтъ,
»Мнѣ сдѣлать хочется жены моей портретъ:
»Какъ пальма райская пряма и величава,
»Ступаетъ будто пава.
»Сафиръ, что неба сводъ являетъ въ ясный день,
»Предъ глазками ея, какъ передъ свѣтомъ тѣнь.
»Увидя жъ бѣлизну ея прелестной шеи,
»Попрячутся съ стыда нарциссы и лилеи;
»Но всѣ красы ея считать теперь мнѣ лѣнь,
»А словомъ: собраны въ ней прелестей всѣ роды,
»И Граціи предъ ней уроды.
»Довольноль этого для васъ?
»Когда жъ наступитъ часъ
»Намъ спать ложиться,
»То самъ Визирь придетъ объ этомъ доложиться,
»И стукнувъ лысиной объ туфлю мнѣ разъ пять,
»Вотъ долженъ будетъ что сказать:
»Сіятельнѣйшій зять!

»Не повелишь ли ты Зельмиру раздѣвать?
»Она ужъ начала зѣвать.
»Но на это ему ни слова не добиться:
»Я на его и не взгляну,
»А въ знакъ согласія усами шевельну.
»Когда жъ положатъ спать со мной мою жену,
»То къ прелестямъ ея не сдѣлавъ я ни шагу,
»Спиной къ ней лягу,
»Ни слова не скажу
»На всѣ ея мнѣ ласки,
»А Визиря въ ногахъ постели посажу,
»И сказывать заставлю сказки. —
»Съ женой нѣжнѣе я никакъ не поступлю,
»Хоть рвись она въ клочки, наплачь хоть цѣлу лужу:
»Какъ доброму прилично мужу,
»Я на одномъ боку всю ночь ту прохраплю. —
»Тогда-то, Альнаскаръ, поцарствуй!
»Отнюдь ты важности своей не покидай,
»И хоть сто разъ твой тесть, или жена чихай,
»Ты не моги самъ молвить: здравствуй!
»Вотъ такъ-то нашихъ знай! —
»Однакожъ по утру, хоть твердъ я, но не камень,
»Изъ сердца выпущу наружу страстной пламень,
»И въ Гуріи жену свою произведу;
»А съ Гуріями какъ въ Пророковомъ саду
»Или въ Едемѣ поступаютъ,
»Всѣ правовѣрные и безъ меня то знаютъ.
»Потомъ я Визирю

»Обѣщанный ему подарокъ подарю,
»Да сверхъ того еще червонцевъ дамъ пять тысячь,
»Изъ коихъ бы иной пять разъ себя далъ высѣчь;
»Но это для меня ничто,
»И даже тысячь сто
»Ни на волосъ моихъ сокровищъ не убавятъ;
»О щедрости такой, какой примѣровъ нѣтъ,
»Газеты Гамбургски увѣдомятъ весь свѣтъ
»И мнѣ безсмертіе доставятъ.
»Потомъ вся Знать
»Ко мнѣ явится съ поздравленьемъ.
»Я сидя буду всѣ поклоны принимать;
»Бездѣльникъ нашъ Кади съ колѣнопреклоненьемъ
»Въ томъ будетъ у меня прощенія просить,
»Что нѣкогда меня дерзнулъ онъ притѣснить;
»Я зареву какъ левъ: вонъ! вонъ! подлецъ бездушный!
»И сколько силы есть, ногой его толкну....«
Ахти! ты потерялъ богатство и жену,
О, архитекторъ мой воздушный!
На что ты сильно такъ лягнулъ?
Опомнись, не Кади, ты коробъ свой толкнулъ!
Бутылки, пузырьки, кувшины перебились,
И съ ними гордыя мечтанья сокрушились,
А нашъ Визирской зять
Безъ денегъ, безъ жены, легъ на соломѣ спать.

СПОСОБЪ
ВОСКРЕШАТЬ МЕРТВЫХЪ.

Науръ, Персидскій древній Царь,
Какъ Титъ, иль Маркъ, народомъ правилъ:
Побѣдами себя, щедротами прославилъ,
И, словомъ, сей Науръ былъ рѣдкій Государь.
Блаженства Персіи почтенный сей содѣтель
Былъ вѣрный другъ, притомъ былъ лучшій изъ отцовъ,
И сверхъ того еще имѣлъ ту добродѣтель,
Чтобъ правду обожать и не терпѣть льстецовъ.
Вотъ былъ Науръ каковъ!
Онъ, ненавидя многоженство,
Имѣлъ супругу лишь одну,
Въ которой обрѣталъ верховное блаженство:
Науръ былъ по уши влюбленъ въ свою жену...
Читатель, вижу я, смѣется,
Не вѣритъ мнѣ, но я его не обману;
Вѣдь это сплошь, сударь, бывало встарину,

И въ наши времена, я думаю, найдется
Десятка два мужей такихъ,
Которы терпятъ женъ своихъ;
Влюбленныхъ же найти теперь не обѣщаюсь,
И такъ къ Персидскому Царю я обращаюсь.
Уже никакъ лѣтъ семь престоломъ онъ владѣлъ,
Былъ счастливъ, былъ спокоенъ,
Былъ счастья своего достоенъ,
Какъ своенравный рокъ однажды захотѣлъ,
Чтобъ добрый Царь сей овдовѣлъ:
Зюлима, нѣжная его супруга,
Въ которой онъ имѣлъ любовницу и друга,
Слегла,
И умерла.
Представьте, какъ Науръ взметался,
Когда пришли ему сказать,
Что долженъ будетъ впредь одинъ онъ почивать,
За тѣмъ, что навсегда съ Зюлимою разстался.
Отчаянья его не можно описать,
Такъ тщетно я надъ тѣмъ трудиться и не стану;
Сію болѣзненную рану,
Кто можетъ, пусть представитъ самъ;
А любопытнымъ господамъ
Я просто донесу, что Царь скрыпѣлъ зубами,
Ревѣлъ, кривлялъ глазами,
Топталъ свою чалму, и, словомъ былъ таковъ,
Что всѣхъ Персидскихъ дураковъ
Минутъ въ пятнадцать обезславилъ,

А въ бородѣ своей оставилъ
Четыре только волоска.
Когда жъ его тоска
Отъ сильнаго сего движенья утомилась,
То въ нѣдрахъ сердца скрылась.
Тогда прервался Царской крикъ,
И оковала скорбь ему языкъ.
Печаль, которая безгласна,
Весьма опасна.
Науръ задумалъ умереть:
Во внутренность своихъ чертоговъ удалился,
И двери за собой изволилъ запереть;
Но не подумайте, чтобъ тамъ онъ удавился.
Куда бы я тогда со сказкой сей годился?
Притомъ же рѣдко я слыхалъ,
Чтобъ истинный герой удавкой жизнь скончалъ.
Извѣстно, что герой себя помучить любитъ,
И ни за что себя такъ скоро не погубитъ.
И такъ, чтобъ болѣе мученья претерпѣть,
Науру вздумалось вкусить голодну смерть,
И вдругъ не сталъ терпѣть онъ пищи даже духа.
Ужъ три дни, какъ вдовецъ ни пьетъ, ни ѣстъ, ни спитъ;
Входить же никому къ себѣ онъ не велитъ,
А только съ нимъ одно отчаянье сидитъ.
Уже курносая и тощая старуха,
Которая насъ всѣхъ со временемъ сразитъ,
Косой ему грозитъ.
Уже... какъ входъ къ нему внезапно отворился,

Индѣйскій Философъ, Кулай, предъ нимъ явился.
Онъ часто о дѣлахъ бесѣдовалъ съ Царемъ,
Былъ другомъ онъ его и былъ Секретаремъ.
Къ Науру искреннимъ усердіемъ пылая,
И жизнь ему спасти желая,
Въ убѣжище его проникнуть онъ умѣлъ,
Чтобъ какъ нибудь его перемѣнить судьбину;
Прихода жъ своего такъ объявилъ причину:
» Великій Государь! я не за тѣмъ пришелъ,
Чтобъ осуждать твою законную столь горесть;
Но если вѣришь ты, что я имѣю совѣсть,
То вѣрь, что я нашелъ
Простое очень средство
Твоей супругѣ жизнь отдать,
Народу возвратить Царицу ихъ и мать,
И, словомъ, прекратить твое и наше бѣдство.
Почтожъ сомнѣніе въ глазахъ твоихъ я зрю?
Повѣрь мнѣ, Государь, я правду говорю:
Извѣстенъ ты о томъ, что я люблю учиться,
Люблю въ бумагахъ рыться,
Имѣю много древнихъ книгъ,
И способъ рѣдкій сей нашелъ вчера я въ нихъ;
Исполнить же его, мнѣ кажется, способно:
Намъ стоитъ лишь найти трехъ счастливыхъ особъ.
Всякъ знаетъ, что сыскать такихъ весьма удобно.
Когдажъ мы ихъ найдемъ, то на Царицынъ гробъ
Ихъ имена поставимъ,
И симъ

Царицу воскресимъ ,
И отъ тоски тебя избавимъ. »
Царь пробуждается какъ будто ото сна ;
Надежды лучъ его внезапу озаряетъ,
Такъ точно мертвая природа воскресаетъ ,
Когда ей душу возвращаетъ
Благотворящая весна.
Мой другъ ! вскричалъ Науръ , меня ты оживляешь,
Цѣлительный бальзамъ ты въ сердце мнѣ вливаешь;
Я буду паки жить ,
И способъ твой хочу сей часъ употребить.
Не медли жъ болѣе , поди , мой другъ любезный ,
Поди , и счастливыхъ сихъ смертныхъ обрѣтай ,
Царицу оживляй ,
И осушай
Потокъ мой слезный. —
Тотъ часъ
Царь далъ приказъ ,
Что бъ всѣ счастливцы приходили
Къ его Секретарю ,
И именабъ свои въ бумажкахъ приносили ,
Что симъ однимъ спасутъ они животъ Царю
И воскресятъ Царицу ,
Что будутъ имена ихъ класть къ ней на гробницу. . .
Приказъ сей возвѣщать послали крикуновъ.
А между тѣмъ Кулай , мудрецъ изъ мудрецовъ ,
Со всею важностью Индѣйскихъ пѣтуховъ ,
За красный столъ садится ;

Однако же боится,
Чтобъ вѣкъ за нимъ не просидѣть,
Или съ тоски не умереть.
Уже скучать онъ начинаетъ,
Уже зѣваетъ,
Какъ юноша къ нему запыхавшись вбѣгаетъ: —
Я счастливъ, говоритъ, а имя мнѣ Кобадъ...
Я очень радъ,
Что воскресить могу Царицу...
Однакожъ, господинъ Кулай,
Повѣрь мнѣ, времени ни мало не теряй...
Теперь неси мое ты имя на гробницу —
Не льзяль, прервалъ мудрецъ, спросить,
Къ чему изволишь такъ спѣшить?
Скоропостижности я сей не разумѣю —
Позволь, сказалъ Кобадъ, мнѣ все договорить,
А тамъ ты можешь самъ объ этомъ разсудить:
Люблю Зельмиру я, любимъ подобно ею;
Готовъ пожертвовать ей жизнію моею,
И будь увѣренъ въ томъ, почтенный господинъ,
Что я боготворю Зельмиру,
И милый взглядъ ея одинъ
Не промѣняю на порфиру.
Вчера она меня сурово приняла,
И разругавши впрахъ, въ затылокъ прогнала
(Не въ первой разъ уже я принятъ такъ бываю);
Севодни же опять меня къ себѣ зоветъ:
Счастливѣе теперь Кобада въ свѣтѣ нѣтъ;

Но почему я знаю,
Что завтра жъ можетъ быть опять. . .
Ага! вскричалъ мудрецъ, позволь себя прервать;
Я это понимаю;
Зельмира то тебя ласкаетъ, то бранитъ,
То вдругъ любовника въ тебѣ, то чорта видитъ,
То вдругъ возненавидитъ,
То вдругъ опять боготворитъ,
Смотря по ведру и ненастью.
Слуга покорной я завидному столь счастью!
Ступай-ко, господинъ Кобадъ,
Назадъ;
Такое имя мнѣ не нужно;
Притомъ же намъ съ тобой обоимъ недосужно;
Прощай, и, если льзя, живи съ Зельмирой дружно. —
Кобадъ ушелъ,
На мѣсто же его супругъ младой пришелъ,
И съ нимъ супруга,
Любя пять лѣтъ другъ друга,
Но къ сочетанію имѣя тьму препонъ,
Пять лѣтъ сія чета пускала тяжкой стонъ;
Но какъ-то наконецъ въ тотъ день они женились,
И отъ подножья олтаря,
Гдѣ ихъ желанья совершились,
Пришли увѣдомить о томъ Секретаря,
И счастіе свое столь сильно изъяснили,
Что старика прельстили,
И чувства черствыя его поразмягчили.

Однакожъ, наконецъ, прiявъ свой важный видъ,
Онъ такъ имъ говоритъ:
» Такое счастiе завидно;
Но вѣдь оно еще севодни началось,
Боясь же, чтобъ когда нибудь не прервалось,
Вамъ не покажется я думаю обидно,
Что опыту его подвергнуть я хочу?
Я милостью Царя за то вамъ заплачу.
Сей опытъ сверхъ того съ желаньемъ вашимъ схо-
денъ,
И такъ, я думаю, онъ будетъ вамъ угоденъ:
Я требую отъ васъ, друзья мои, того,
Чтобы вы десять дней другъ другомъ услаждались,
Не дѣлая отнюдь другаго ничего,
При томъ не видя ни кого,
Но чтобы вы собой одними занимались.
Не трудно, думаю, вамъ сдѣлать будетъ то.
Для двухъ любовниковъ, столь прежде притѣсненныхъ
И наконецъ соединенныхъ,
Вселенная ничто.» —
Съ восторгомъ согласясь на это испытанье,
Супруги въ домъ къ себѣ летѣли, а не шли,
Не дотыкаясь до земли.
Пришли — и начались межь ими лобызанья,
Слова нѣжнѣйшiя лились у нихъ рѣкой;
Голубчикъ, душинька, любезной свѣтикъ мой,
Въ тебѣ я вижу всѣ утѣхи и покой;
Тобой любиму быть одно мое желанье,

И не погаснетъ вѣкъ мое къ тебѣ пыланье,
И словомъ, въ первый день они забывши всѣхъ,
Вкусили тьму утѣхъ.
Назавтра ласки ихъ слабѣе какъ то стали,
Назавтра нѣсколько они и позѣвали,
Назавтра подремали,
Назавтра поворчали,
Назавтра подрались,
Назавтра разошлись,
И больше не сходились.
Посемъ къ Кулаю появились
Счастливцовъ цѣлы табуны;
Но были всѣ они такіе жъ шалуны,
И къ дѣлу не годились.
Одинъ изъ нихъ богатствъ, другой чиновъ желалъ,
И всякъ блаженство полагалъ
Въ какомъ нибудь своемъ предметѣ;
А мудрецу за то въ награду обѣщалъ
Быть всѣхъ щастливѣе на свѣтѣ.
Но какъ онъ вѣдалъ свойства ихъ
Гораздо лучше ихъ самихъ,
То имъ отнюдь не вѣрилъ,
Печатнымъ видно онъ аршиномъ счастье мѣрилъ;
А съ ними вотъ какой поставилъ договоръ:
Что онъ о просьбахъ ихъ входить не будетъ въ споръ;
Но прежде чтобъ они немножко побродили,
И чтобъ людей къ нему съ собою привели,
Довольныхъ тѣмъ, чего себѣ они просили.

Не знаю, можетъ быть они такихъ нашли;
Но слышно, къ мудрецу назадъ не приходили.
Дотолѣ Философъ не видывалъ во вѣкъ
Такого скопища людей честолюбивыхъ,
Скупыхъ, безпутныхъ, горделивыхъ,
Смѣшныхъ, безумныхъ, прихотливыхъ;
Но наконецъ къ нему явился человѣкъ,
Которой съ прежними ни мало не былъ сходенъ:
Сей скроменъ былъ и благороденъ,
Сей не желалъ и не просилъ;
О счастіи жъ своемъ онъ вотъ что доносилъ:
Богатствъ я не ищу, ни пышности, ни славы,
Люблю однѣ забавы;
По волѣ ихъ себѣ могу я доставлять;
Но ихъ умѣренно привыкъ употреблять.
Я, опасаясь пресыщенья,
Достигъ до рѣдкаго умѣнья
Совсѣмъ отказывать себѣ въ нихъ иногда
Безъ всякаго труда.
Притомъ же я доходъ порядочной имѣю,
Котораго концы съ концами такъ свожу,
И такъ расположить на круглой годъ умѣю,
Что въ люди никогда обѣдать не хожу.
Всседневно за столомъ своимъ я угощаю
Двухъ, трехъ, иль четырехъ
Пріятелей моихъ,
При коихъ я себя отнюдь не принуждаю;
Я принужденности, признаться, не терплю.

Ни отъ кого я не завишу,
Враговъ нѣтъ у меня, иль я о нихъ не слышу.
Любовницу свою люблю
Не много и не мало,
Такъ какъ и всѣмъ бы надлежало
Любить своихъ
И столько заниматься ими,
Чтобъ о лишеніи ни сокрушаться ихъ,
И замѣщать тотчасъ другими:
Въ запасѣ я держу всегда ихъ пятерыхъ.
Не правда ль, что могу я счастливымъ назваться? —
Конечно такъ, мой другъ, но будучи тобой,
Я несказанно бы сталъ смерти ужасаться. —
Увы! боюсь и я, боюсь, сударикъ мой!
Но въ жизни надобно жь чего нибудь бояться:
Не льзя безъ примѣси намъ счастьемъ наслаждаться;
Однакожь я не лгу,
Что мыслю я о томъ столь рѣдко, сколь могу. —
Совсѣмъ не помышлять о смерти постарайся,
Иль способъ обрѣсти во вѣкъ не умирать,
Тогда-то смѣло ты счастливымъ называйся,
И приходи ко мнѣ Царицу воскрешать.
Уже три мѣсяца, какъ Философъ трудился;
Но толку отъ того ни мало не добился,
И наконецъ
Трагикомедію сію скончать рѣшился
Уставшій нашъ мудрецъ.
Ему наскучило такое упражненье,

Въ которомъ онъ терялъ и время и труды,
А поисковъ его единые плоды
Лишь прежнее его оправдывали мнѣнье,
Что молодые, старики,
И, словомъ, всѣ мы чудаки,
Что мѣры мы въ своихъ желаніяхъ не знаемъ:
Исполнится ль одно, другое затѣваемъ.
И такъ онъ тѣмъ же днемъ
О тщетныхъ поискахъ и, словомъ, обо всемъ
Донесть рѣшился Государю,
Хотя бы онъ за то ему расквасилъ харю.
А между тѣмъ
Царева горесть посмягчилась,
Охота умирать прошла,
Охота къ пищѣ возвратилась
И борода поотросла.
Не нужно сказывать, что былъ Кулай доволенъ,
Увидя, что Hауръ совсѣмъ ужъ сталъ другой;
Что возвращается къ нему опять покой,
И что ужь онъ не болѣнъ.
Мудрецъ донесъ ему безъ всѣхъ обиняковъ,
Что вмѣсто счастливыхъ нашелъ онъ дураковъ.
На чтожь, сказалъ Hауръ, мой другъ, намъ такъ трудиться?
На что намъ хлопотать и столько суетиться?
Начто далеко такъ намъ счастливыхъ искать?
Свое ты имя бъ могъ на гробѣ написать,
И мудрыхъ двухъ, какъ ты, къ нему еще прибавить:

Симъ могъ меня давно отъ грусти ты избавить. . .
Но ты молчишь? — Почтожъ такъ хвалятъ мудрецы
Намъ счастіе свое, премудростью владѣя?
Монархъ! вскричалъ Кулай, вздыхая и краснѣя:
Слѣпцы,
Не рѣдко бредимъ мы и часто полыгаемъ;
Мы такъ же, какъ и всѣ, во весь нашъ вѣкъ желаемъ;
Чего жь желаемъ мы? желаемъ пустяковъ,
И, словомъ, мы въ числѣ тѣхъ бѣдныхъ дураковъ,
Которыхъ мы людьми столь важно величаемъ.
Признаться, Государь, вѣдь я и самъ таковъ:
Я самъ лѣтъ пятьдесятъ за мудростью гоняюсь,
Тружусь, учусь; но чтожъ узналъ я отъ того?
Одно лишь то, что я не знаю ничего.
Со счастьемъ, какъ и всѣ, я встрѣтиться стараюсь;
Но только находилъ лишь тѣнь одну его;
Его же самаго
На свѣтѣ никогда, повѣрь мнѣ, не бывало;
Съ небесъ оно и не слетало. —
Такъ нѣтъ, вскричалъ Науръ, счастливыхъ на земли?—
Нѣтъ! Государь, и быть не можетъ:
Въ сей жизни, что нибудь намъ вѣчно сердце гложетъ.
Но дружескимъ моимъ совѣтамъ ты внемли:
Почто, о Государь! ты духъ свой такъ терзаешь?
Или не знаешь,
Что нѣжная твоя супруга во сто разъ
Теперь блаженнѣе всѣхъ насъ?
Престань же сокрушаться;

Иль счастіемъ ея ты можешь огорчаться?
О сказанномъ ему Царь здраво разсудилъ;
За хитрость мудреца весьма благодарилъ,
И мысли, воскрешать Царицу, отмѣнилъ;
Утѣшить же совсѣмъ его взялося время,
Притомъ же Царскаго вѣнца тяжело бремя,
Заботы и труды,
И новыя печали
Изъ памяти Царя изгнали
Его минувшія бѣды.

ИСКУСНЫЙ ВРАЧЪ.

Въ какомъ то городѣ, въ какомъ то было царствѣ,
Именъ не помню ихъ, да нѣтъ и нужды въ томъ,
Лишь помню только то, что въ городѣ большомъ,
За тридевять земель въ десятомъ государствѣ,
Бояринъ жилъ:
Въ отставкѣ ль былъ,
Или служилъ,
Того не знаю точно;
Да и объ этомъ знать безпрочно,
Къ тому же не о томъ и рѣчь моя;
А вотъ что сказывать начну, читатель, я:
Послушай! тотъ господчикъ
Былъ холостъ, и при томъ пригожій былъ молодчикъ;
Но какъ-то господинъ,
Наскучивъ быть одинъ,
Задумалъ вдругъ жениться;
Невѣсту вмигъ сыскалъ
И свататься онъ сталъ.

Для свадьбы, говорятъ, что надобно влюбиться;
А то де безъ того не льзя съ женой ужиться.
И я согласенъ въ семъ.
И спорить тутъ о чемъ?
Для двухъ любящихся конечно бракъ прекрасенъ;
Но бракъ не по любви не стоитъ ни чего,
Хоть вѣкъ не будь его;
Къ тому же онъ опасенъ.
Послушайте жь теперь разсказа моего:
Женихъ,
Имѣя сердце нѣжно,
Читалъ Элегіи прилежно
И былъ влюбляться лихъ:
Въ невѣсту онъ свою какъ Селадонъ влюбился,
И свадьбой поспѣшать скорѣй какъ можно тщился;
Ни пилъ, ни ѣлъ,
Вздыхалъ, кряхтѣлъ.
Въ любви велико нетерпѣнье,
Я знаю это по себѣ;
Но коль, читатель мой, не свѣдомо тебѣ
Любовное мученье,
Прочти Овидія о немъ стихотворенье.
Онъ былъ Профессоромъ любовна ремесла;
Онъ зналъ на перечотъ сей страсти тяжки муки,
Какъ - то: разлуки,
Вздыханья, слезы, скуки,
И прочи многи штуки,
Которымъ нѣтъ почти числа. . .

Ахти! куда меня нелёгка занесла!
Я про любовь заговорился
И отъ разсказа удалился;
Но не одинъ сему подверженъ я грѣху;
Такъ обратимся жъ къ жениху:
Онъ все еще вздыхаетъ,
И съ нетерпѣніемъ женидьбы ожидаетъ.
Приходитъ дѣло то къ концу,
Женихъ готовится уже идти къ вѣнцу;
Вдругъ счастію его противится судьбина,
А можетъ быть и сатана:
Невѣста сдѣлалась отчаянно больна.
Крушится мой дѣтина;
Зоветъ искусныхъ лѣкарей;
Сбираетъ ворожей,
Подать чтобъ помощь ей,
Сулитъ за то онъ имъ богатство неисчетно;
Однакожъ тщетно.
Женихъ былъ щедръ и былъ богатъ;
Но всякой, кто влюбленъ, бываетъ тороватъ.
Къ несчастью, щедрость тутъ совсѣмъ не помогаетъ:
Любовница изнемогаетъ;
Женихъ оретъ
И волосы себѣ въ отчаяньи деретъ.
Съ ума дѣтина сходитъ;
Съ лица
На мертвеца
Походитъ.

Бѣжитъ отъ глазъ его отрада въ скорби, сонъ;
Пускаетъ нашъ бѣднякъ такой нелѣпой стонъ,
Какъ будто бѣлены какой объѣлся онъ.
Откуда ни взялась вдругъ старая грызунья,
Искусная колдунья,
И талисманъ ему даетъ,
Въ которомъ былъ одинъ секретъ.
Читатель! вѣрь тому, иль нѣтъ,
Какъ хочешь, я тебя ни мало не неволю,
А отдаю на волю;
За истину того отнюдь не выдаю:
За что купилъ, за то тебѣ и продаю.
Секретъ такой былъ въ талисманѣ,
Что кто его имѣлъ въ рукахъ, или въ карманѣ,
Невидимы тотъ вещи зрѣлъ,
Какъ на примѣръ сказать, умершихъ души тѣлъ.
Лишь взялъ сей талисманъ любовникъ отъ старухи,
То вдругъ со всѣхъ сторонъ къ нему полезли духи,
Какъ лѣтомъ къ сахару, иль къ меду алчны мухи;
Онъ такъ ихъ ясно зритъ, какъ лучшій М. . .
Всѣ Сильфы, Саламандры, Гномы,
Всѣ демоны ему знакомы;
Но если всѣхъ прибрать, то выйдетъ цѣлой листъ.
Даетъ старухѣ онъ награду
За важную сію отраду;
Схвативши талисманъ, съ нимъ скачетъ ко врачу
И разсуждаетъ такъ: »мнѣ талисманъ все скажетъ,
Хотя и дорого за то я заплачу!

Чего жъ желаю я, то вѣрно получу.
Искуство жъ лѣкаря мнѣ талисманъ покажетъ.«
Пріѣхавъ къ лѣкарю, онъ чудо зритъ въ дверяхъ:
Его объемлетъ страхъ,
Дрожатъ подъ нимъ колѣни:
Онъ видитъ, вшедши въ сѣни,
Что въ оныхъ сотнями толпятся черны тѣни,
Какъ будто бъ было то на Стиксовыхъ брегахъ.
Чьи жъ тѣни были тѣ? Людей тѣхъ были души,
Которыхъ врачъ побилъ своимъ лѣченьемъ туши.
Къ другимъ онъ лѣкарямъ пошелъ;
Но какъ ни вступитъ въ сѣни,
Опять явятся тѣни,
И, словомъ, тысячи тѣней у всѣхъ нашелъ.
Возмнилъ онъ отъ того, что всѣ врачи невѣжды.
Повѣся голову, почти лишенъ надежды,
Къ послѣднему врачу онъ наконецъ пришелъ,
И видитъ близъ его избушки
Двѣ только маленькія душки.
Горюнъ нашъ въ дверь толкнулъ,
Поспѣшно въ горницу прыгнулъ,
Насилу съ радости промолвить слово можетъ,
И думаетъ, сей врачъ конечно мнѣ поможетъ.
Причину своего прихода изъяснилъ
И помощи просилъ;
А тотъ его спросилъ,
Являя удивленья знаки:
Какіе довели тебя сюда признаки,

И какъ ты могъ найти мой домъ?
А здѣсь почти ни съ кѣмъ я не знакомъ.
Любовникъ отвѣчаетъ:
Несчастливъ тотъ больной, кто про тебя не знаетъ.
Тебя обогатитъ конечно здѣшній градъ,
И что тебя нашелъ, безъ памяти я радъ;
Искусства твоего я былъ теперь свидѣтель:
Ты только уморилъ двоихъ, мой благодѣтель! —
Врачъ, тяжко воздохнувъ, слова его прервалъ
И вотъ что отвѣчалъ:
Пора, сударь, тебѣ мнѣ кажется признаться,
Что ты пришелъ сюда лишь только посмѣяться:
Еще недѣли нѣтъ, какъ въ должность я вступилъ,
И только двухъ ребятъ лѣчилъ. —
Отъ сихъ нежданныхъ словъ, любовникъ такъ озлился,
Что въ рожу лѣкарю свой талисманъ пустилъ,
И въ волосы ему вцѣпился;
Кусалъ его, царапалъ, билъ,
И къ тѣнямъ чуть-было его не проводилъ.
Но мнѣ его не жаль, таковской онъ и былъ.
Покуда жъ нашъ женихъ съ Санградой колобродитъ,
Невѣстина болѣзнь и безъ микстуръ проходитъ:
Голодна смерть отъ ней поджавши хвостъ бѣжитъ:
Невѣста не въ гробу лежитъ,
Но на усыпанномъ цвѣтами брачномъ ложѣ;
А съ лѣкарями врядъ сбылося ли бы тоже.
Случалось ли видать читателямъ моимъ,

Чтобъ немощью одной досталося двоимъ
Быть одержимымъ вдругъ: бѣдняшкѣ на рогожѣ,
И на пуху Вельможѣ?
Къ обоимъ имъ тогда врачи направятъ ходъ:
Природа къ нищему, а къ знатному Тиссотъ;
Трудовъ сихъ двухъ врачей какой же будетъ плодъ?
Бѣдняшка, поглядишь, румянъ, игривъ какъ котъ,
И роетъ, возвративъ опять съ здоровьемъ силу,
Его Сіятельству — могилу.

ИСПЫТАННАЯ ВѢРНОСТЬ.

Не помню право я, какой сказалъ мудрецъ,
Что молодымъ женамъ не въ чемъ ни должно вѣрить,
За тѣмъ-де, что онѣ всѣ любятъ лицемѣрить.
Я жъ мню, что такъ сказалъ какой нибудь глупецъ,
Которой не умѣлъ, какъ въ свѣтѣ обращаться,
    И радъ въ томъ присягнуть, что онъ
Не зналъ, что есть *Beau monde*, и что за звѣрь *Bon ton*.
Ну можно ль мудрецу такъ глупо завираться?
Не спорилъ бы я съ нимъ и пропустилъ бы такъ,
Когда бъ сіе сказалъ онъ о простыхъ лишь бабахъ;
    Но какъ онъ смѣлъ, дуракъ,
    Такихъ напутать вракъ
        О Дамахъ,
Которы стоютъ всѣ поставлены быть въ храмахъ
    За стеклами и въ рамахъ?
Какъ въ голову придетъ, чтобъ полъ прекрасной тотъ,
Взоръ коего одинъ безцѣнная есть милость,
    Похожъ былъ на извѣстный плодъ

У коего внутри одна лишь только гнилость,
Хотя прекрасенъ онъ на взглядъ?
Возможно ль, чтобъ въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ
адъ?
Неужто барыни обманывать насъ станутъ?
Отъ этой клеветы безбожной уши вянутъ.
Какъ имъ причастнымъ быть столь подлому грѣху?
Не вѣрьте жъ! лжетъ мудрецъ и мѣлетъ чепуху.
Однако жъ хочется сказать мнѣ вамъ ту сказку,
По коей дѣлаетъ онъ къ женщинамъ привязку
И былью оную зоветъ;
Хоть онъ и вретъ,
И хоть того отнюдь вовѣки не бывало,
Но сказку я его скажу;
Вѣдь этимъ, кажется, я Дамъ не разсержу
И не обижу;
И такъ не вижу,
Чтобъ вышла изъ того какая мнѣ бѣда;
Прошу жъ послушать, господа!
Былъ въ Индіи портной, мужской ли былъ, иль
женской,
Того мудрецъ мнѣ не сказалъ;
Извѣстно жъ только то, что платье онъ шивалъ
И былъ, какъ кажется, хорошій, и не мерзкой,
Понеже былъ богатъ;
Но что намъ до того? портной тотъ былъ женатъ;
Намъ это знать лишь нужно.
Онъ жилъ съ супругою такъ дружно,

Что ихъ всѣ ставили согласія въ примѣръ.
И подлинно, любовь была ихъ выше мѣръ:
Портной нашъ не шивалъ ни рукавицъ, ни шапокъ,
Чтобы на башмаки женѣ, иль на подкапокъ
Не выгадалъ украсть:
Толико-то сильна была его къ ней страсть!
Однажды, какъ чета сія клялась, божилась
Другъ друга ввѣкъ любить,
Портному вздумалось жену свою спросить,
Что бъ сдѣлала она, когда бъ его лишилась?
Портниха воздохнувъ слезами залилась;
Потомъ клялась,
Что ежели бы съ ней напасть сія случилась,
То вѣрно бы она тогда или взбѣсилась,
Или бъ съ печали умерла;
А если бы сію бѣду перенесла,
То бъ сдѣлались глаза ея двумя рѣками,
И чтобы горькими и вѣчными слезами
Кропила день и ночь она супружній гробъ.
Сказавъ сіе, она портнаго лобызала,
Клянясь, что гладкимъ ввѣкъ его пребудетъ лобъ,
И съ нѣжностью его о томъ же вопрошала.
Портной отъ радости почти былъ внѣ себя.
До глупости жену любя
И слыша отъ нее столь лестно увѣренье,
Онъ сдѣлалъ передъ ней колѣнопреклоненье,
Сказавъ, что ежели ее лишится онъ,
То пуститъ столь ужасной стонъ,

Что слышанъ будетъ онъ во всѣхъ концахъ все-
ленной.
(Гасконской ренегатъ супругъ сей былъ почтенной)
Потомъ ей обѣщалъ, три дни о ней провыть,
И наконецъ себя иголкой подавить.
Симъ кончилися ихъ взаимны увѣренья,
Которыя мудрецъ въ замочну слышалъ щель.
А послѣ этаго, чрезъ нѣсколько недѣль,
Къ любви, столь рѣдкой, рокъ безъ мала уваженья
Не къ статѣ очень подшутилъ,
И сдѣлалъ надъ портнымъ проказу,
А имянно: его супругу умертвилъ.
Хотя портной берегъ ее и больше глазу,
Но съ рокомъ, говорятъ, не сладитъ и Ахиллъ.
Вдовецъ самъ лыжи чуть за ней не навострилъ;
Но знать сложеніе имѣлъ весьма здорово,
Что живъ остался онъ, и вспомня данно слово,
Супругу схоронилъ
И, бросясь на ея гробницу, волкомъ вылъ.
По кислому же рылу
Такія слезы распустилъ,
Что сдѣлалъ киселемъ жены своей могилу.
Ужъ три дни въ сихъ слезахъ портной нашъ про-
волокъ,
И наступилъ ему уже давиться срокъ:
Любимую свою иглу онъ вынимаетъ,
И ротъ какъ ласточка голодна разѣваетъ . . .
Но вдругъ,

Предъ нимъ явился страшный Духъ;
Описывать его теперь мнѣ недосугъ.
Вотъ что лишь доложу о немъ стихахъ я въ двухъ:
Онъ ростъ имѣлъ толикой,
Что по колѣни былъ ему Иванъ Великой.
Портной отъ ужаса забылъ свою тоску;
Иголку изъ руки трепещущей роняетъ:
Но Духъ тотчасъ ему спокойство возвращаетъ,
Давъ страхъ ему запить небеснаго кваску;
Потомъ сказалъ ему: твою печаль я знаю;
А такъ какъ въ первой разъ случилось слышать мнѣ,
Чтобъ такъ супругъ оралъ нелѣпо о женѣ,
То я для рѣдкости помочь тебѣ желаю,
И оживлю сей часъ, мой другъ, твою жену....
Но ты не вѣришь мнѣ? я это примѣчаю;
Я жъ право ни за что тебя не обману;
Мнѣ это такъ легко, какъ выпить чашку чаю.
Тутъ Духъ съ десятокъ словъ тарабарскихъ сказалъ,
Какихъ-то на пескѣ фигуръ нарисовалъ,
И оживилъ супругу;
А самъ пропалъ,
Какъ скоро оказалъ ему сію услугу.
Портной пріятную сію увидя вещь,
Такую ощутилъ въ душѣ безмѣрну сладость,
Что, не смотря на слабость,
Онъ бросившись къ женѣ, впился въ нее какъ клещъ.
Весьма простительна была такая радость:
Жена его была свѣжа, какъ маковъ цвѣтъ;

Имѣла отъ роду невступно двацать лѣтъ,
И, словомъ, Гулендама
Была такая дама,
Что можетъ быть такихъ теперь и въ свѣтѣ нѣтъ;
Однако жъ объ закладъ я въ томъ не буду биться,
Но къ повѣсти моей намѣренъ возвратиться.
Портниха не могла довольно надивиться,
Какими средствами могла она ожить,
И сдѣлаться опять красой земному кругу.
Услышавъ же, что тѣмъ обязана супругу,
Ему клялася посвятить
Сей новой жизни всѣ мгновенья.
Но если бъ всѣ писать въ любви ихъ увѣренья,
То бъ тѣмъ читателей я вывелъ изъ терпѣнья.
Не лучше ль поспѣшить,
Мнѣ кажется, къ развязкѣ?
И такъ ужъ бы пора окончиться сей сказкѣ.
Опомнясь нѣсколько, сказалъ женѣ портной,
Что въ саванѣ ходить при людяхъ неучтиво,
Чтобъ на нее смотрѣть всѣ стали какъ на диво,
И что онъ сбѣгаетъ за платьемъ ей домой.
Сказавъ сіе, бѣжать во весь онъ духъ пустился;
А между тѣмъ Султанъ, иль Царь тоя страны,
Охотой полевой въ мѣстахъ тѣхъ веселился,
И вдругъ нечаянно, незнаю какъ, случился
Близъ воскрешенной сей жены.
Онъ очень изумился,
И чуть-было сперва трухнувъ не ускакалъ,

Увидя женщину живую въ томъ нарядѣ,
Въ которомъ ходятъ только въ адѣ;
Но разсмотрѣвъ ее, иначе думать сталъ:
Онъ красотѣ ея чудесной удивился;
Какъ молніей, стрѣлой любовной уязвился.
Насилу могъ собрать свой расточенный умъ;
Насилу могъ унять на часъ онъ въ мысляхъ шумъ;
Но какъ-то наконецъ собравшись съ Царской мочью,
Что онъ въ нее влюбленъ, сказалъ ей на прямикъ,
И что божественный ея и милый ликъ
Мечтаться будетъ впредь ему и днемъ и ночью.
Цари не намъ чета! Слыхалъ я, что у нихъ
Все вмигъ
Поспѣетъ;
Предъ женщиной Султанъ, какъ нашъ братъ, не робѣетъ.
И такъ сказалъ онъ ей, что ежели она
Ни съ кѣмъ не спряжена,
То будетъ черезъ часъ, иль два, его жена,
Любимою его Султаншей назовется,
И что любить ее до смерти онъ клянется.
Султанъ былъ сильный Царь, былъ молодъ и пригожъ,
И такъ портной предъ нимъ такъ сдѣлался хорошъ
Въ глазахъ своей жены, какъ оловянный грошъ.
Такъ чтожъ?
Я чуда право въ томъ не вижу никакова,
И развѣ былъ такой примѣръ,

Чтобъ вздумалъ кто мѣнять Султана на портнова,
Хотя бъ онъ былъ и самъ *Ла-Пьеръ*?
Услышавъ отъ Царя такое предложенье,
Портниха сдѣлала въ минуту заключенье,
Что больше выгоды Султаншей первой быть,
Чѣмъ мужу помогать чалмы да шапки шить.
И такъ мошенница сія, потупя взоры,
Ограбили меня сей часъ, сказала, воры,
И въ землю думали живую закопать;
Но вы изволили имъ въ этомъ помѣшать:
Они, услыша стукъ, какъ зайцы испужались,
И разбѣжались
Невѣдомо куда;
Но вижу я теперь, что это не бѣда,
Когда сей случай мнѣ доставилъ пышну славу
Быть вашею женой.
Никто не обладаетъ мной
И только отъ себя за вину я самой.
Султанъ ей приказалъ покрыться епанчой;
И ногъ отъ радости не слыша подъ собой,
. Съ портнихою домой
Свой путь направилъ.
Когда же въ городѣ портной нашъ все исправилъ,
И съ платьемъ прибѣжалъ опять на женнинъ гробъ;
То, не нашедъ ее, свалился будто снопъ.
Потомъ какъ бѣшеной взметался,
Какъ угорѣлой котъ по всѣмъ мѣстамъ совался;
Однако же нигдѣ жены не доискался

И сталъ опять вдовецъ.
Но наконецъ,
Услышавъ, что она въ Сералѣ у Султана,
Онъ безъ чалмы и безъ кафтана
Прямехонько бѣжать пустился во дворецъ,
Какъ будто сумасшедшій;
Потомъ туда пришедши,
Съ Султаномъ говорить на единѣ просилъ.
Представъ же предъ него смиренно доносилъ,
Какъ онъ по милости его сталъ быть съ рогами.
Не знаю право я, какими то судьбами,
Хоть бусурманской Царь, но былъ Султанъ не лихъ,
А такъ какъ агнецъ тихъ;
Звалъ подданныхъ людьми, смотрѣлъ на нихъ умильно,
И дамъ не заставлялъ любить себя насильно:
Онъ не держалъ жены неволей ни одной;
И такъ, я чаю, чтобъ иной
Услыша выговоръ рогатаго портнова,
Не давъ ему въ отвѣтъ ни слова,
Велѣлъ бы сжечь ево живова,
Или бъ въ бараній рогъ скрутилъ;
Но сей не эдакъ поступилъ:
Онъ съ тихостью вотъ такъ портному говорилъ:
Смотри, мой другъ, поберегися!
Что здѣсь твоя жена, ты въ томъ не ошибися,
И если ты солгалъ, то я хотя не золъ,
Но ужъ тогда не осердися,
Что будешь посаженъ на колъ,

Дабы другимъ портнымъ не дать впередъ потачки
Въ Султанскихъ вклепываться женъ;
Я жъ даромъ дать жену тебѣ не принужденъ:
Не стоишъ ты такой подачки.
Пожалуй, у меня отнимутъ эдакъ всѣхъ;
И это будетъ курамъ смѣхъ,
Когда промчится слухъ такой въ края чужіе,
Что Царской мой Сераль расхитили портные.
Портной Султану въ ноги палъ, —
И правду словъ своихъ присягой утверждалъ;
Еще жъ сказалъ,
Что коль жена ево за мужа не признаетъ,
То казни онъ себя лютѣйшей подвергаетъ;
Но ежели ево она облобызаетъ,
То проситъ онъ ее назадъ ему отдать.
Да сверхъ того просилъ велѣть врача призвать,
Чтобы отъ радости она и отъ любви
Не умерла опять,
Такъ чтобъ могли спасти ей жизнь пусканьемъ крови.
Султанъ своимъ женамъ велѣлъ тотчасъ сказать,
Что онъ немедленно всѣхъ видѣть ихъ желаетъ.
Отъ нетерпѣнія портной нашъ умираетъ,
И ласки отъ жены съ три пуда ожидаетъ. —
Вдругъ входитъ цѣлой къ нимъ красавицъ хороводъ.
Портниха жъ красотой отмѣнною блистала,
Сіянье прочихъ всѣхъ такъ сильно затмѣвала,
Какъ звѣзды тмитъ луна, взошедъ на синій сводъ,
Иль такъ, какъ тмитъ луну царя дневнаго всходъ.

Толико времени портной не видясь съ нею,
Къ ней бросился на шею,
Крича: вотъ! вотъ она!
Но какъ же вѣрная сія жена
Съ супругомъ поступила?
Она ему скроила
Такова треуха,
Что чуть не сотворилъ портной таво грѣха,
Котораго укрыть не могутъ лучши воры.
Портниха, устремивъ на мужа гнѣвны взоры,
Сказала такъ:
Съ чего ты взялъ, дуракъ!
Что я когда нибудь женой твоей бывала?
Я и во снѣ тебя мерзавца не видала.
И какъ ты смѣлъ обидѣть такъ меня?
Ахъ ты святошна харя!
Тебѣ ли отнимать жену у Государя?
Потомъ, къ Султану рѣчь склоня,
О правосуднѣйшій Монархъ! она вскричала,
Я сей лишь часъ сего бездѣльника узнала:
Онъ самой тотъ вѣдь плутъ,
Которой закопать хотѣлъ меня живую;
Спокойныхъ до того не будетъ мнѣ минутъ,
Пока въ него кола злодѣя не воткнутъ. —
Услыша отъ жены привѣтливость такую,
Мужъ очи вылупилъ, какъ филинъ, иль сова,
И съ плечь-было его свалилась голова.
Въ немъ вся замерзла кровь отъ женниной измѣны:

Не могъ постигнуть онъ столь чудной перемѣны,
И думалъ, что во снѣ все это видѣлъ онъ;
Но наконецъ Султанъ прервалъ сей мнимый сонъ:
Султанъ хоть былъ и Царь, но рабъ былъ дана слова;
Притомъ же сквернаго преступника такова,
Которой погрѣбать любилъ живыхъ людей,
Кто бъ если и простилъ, тотъ былъ бы самъ злодѣй.
И такъ Султанъ велѣлъ вести на казнь портнова,
Хоть онъ и присягалъ, что былъ не виноватъ;
Но будто никогда невинныхъ не казнятъ?
То вещь не нова.
Портной, увидя страшной колъ,
На коемъ велѣно отвесть ему квартиру,
Проклятью предавалъ жену и женской полъ;
Таурился, кряхтѣлъ и упираясь шолъ,
Такъ точно, какъ мужикъ идетъ въ солдатску мѣру.
Но въ слабость этаго, я думаю, и въ стыдъ
Ни кто портному не вмѣнитъ:
Кто какъ бы ни былъ твердъ, хотя бъ самъ Эпиктитъ,
И тотъ, не знаю я, какой бы сдѣлалъ видъ,
Увидя, что ему такая казнь грозитъ.
Ахъ! лучше бы, вскричалъ портной, я подавился!
Да будетъ проклятъ день, въ которой я родился,
И тотъ, въ которой я женился
На этой сатанѣ!
О Духъ! на что просилъ тебя я о женѣ,
Которая теперь на колъ меня сажаетъ?
За всю мою любовь, за нѣжную пріязнь,

Какъ гуся дикаго на вертело втыкаетъ,
И мнѣ такую казнь
Злодѣйка изрекаетъ,
Что изъяснить ее пристойность запрещаетъ.
О Духъ!
Будь ты еще мнѣ другъ!
Внемли ты моему моленью,
И не предай меня такому посрамленью! —
Когда онъ учинилъ усердный сей возгласъ,
То Духъ явился въ тотъ же часъ
Среди народа. —
Какое зрѣлище представилось очамъ!
Его, читатели, я опишу и вамъ.
Покорно васъ прошу вообразить урода,
Моря которому всѣ были мѣльче брода;
Руками облака онъ шедши раздвигалъ,
И по двѣ мили вдругъ шагалъ;
Да кедромъ сверхъ того Ливанскимъ чистилъ зубы.
Когда жь раздвинулъ онъ свои ужасны губы,
То въ страшную его гортань
Могла бъ уставиться съ округою Казань.
Слова жъ его такъ были грубы,
Что не было во вѣкъ ужасныхъ столь громовъ;
И отъ такихъ умильныхъ словъ
Изъ бороды его и также изъ усовъ
Съ двѣ сотни вылетѣло совъ,
Которыя тамъ спали:
Знать лѣсомъ бороду они его считали.

От голоса его всѣ зданія дрожали;
Всѣ зрители на землю пали.
Сам Царь от страха чуть был жив.
Дух, голос свой смягчив, вмиг оправдал портнова.
Сказав исторію его народу снова.
Кто силен, тот всегда живет краснорѣчив:
Портнова маленьким святым народ считает.
Вот видите ли вы, как обернулся лист?
Портной как стекло стал чист,
И Царь его домой безвредно отпускает.
Но Дух не тѣм еще трагедію кончает:
Невинность, говорят, не вѣчно вѣдь страдает,
Без наказанія зло так же не бывает;
Дух, в слѣдствіе сего, негодницу жену
Таскал по городу день цѣлой на веревкѣ —
И зашвырнул потом, мнѣ помнится, в луну.
За дѣло! — ништо ей жидовкѣ!

Три желанія.

Всѣ состоянія мнѣ кажутся равны,
И равны степени блаженства всѣмъ даны.
Мужикъ поработавъ, коль есть алтынъ въ карманѣ,
То выпивши винца, ѣстъ съ мягкимъ хлѣбомъ щи;
И больше онъ блаженъ, валяясь на печи,
Чѣмъ Крезъ, зѣвающій на бархатномъ диванѣ,
И жрущій нехотя заморски овощи.
Не лишнее еще и то къ сему примолвить,
Что мы желанія безъ счета любимъ плесть;
Но можно ль ихъ исполнить,
Когда не можно счесть?
И такъ не лучше ли бъ потверже то намъ помнить,
Чтобъ быть довольну тѣмъ, что есть;
За счастьемъ на небо не лѣзть,
И знать, что оное и дома всякъ имѣетъ,
Но познавать его не всякъ умѣетъ.
Теперь же сказочку мою прошу прочесть.
Давно, весьма давно, въ старинны темны вѣки,

Какъ сотнями боговъ считали человѣки,
Какой-то дровосѣкъ, наскучивъ бѣднымъ быть,
И безпрестанными, несносными трудами
Жену, дѣтей, себя кормить,
Бранился всякой день съ судьбою и съ богами,
И временно весьма онъ искренно желалъ,
Чтобъ, съ позволенія сказать, его чортъ взялъ.
»Какъ! говорилъ Филатъ, какъ можно не взбѣситься?
»Неужто нѣтъ меня грѣшнѣе никово?
»Я вымолвить не могъ у Неба и тово,
»Чтобъ было иногда мнѣ можно полѣниться.
»Нѣтъ! впредь не буду я по пустякамъ молиться;
»Мнѣ много безъ мольбы трудовъ;
»Другой пусть, а не я, лбомъ объ полъ будетъ биться . . .
»А я чтобъ сталъ? . . . За что благодарить боговъ?
»Или за то, что я отъ нихъ какъ отъ козловъ
»Не видывалъ вовѣкъ ни молока ни шерсти?
»Да у меня жъ про нихъ въ запасѣ нѣту лбовъ;
»А имъ немного право чести,
»Что мучатъ такъ они меня.«
Такимъ то образомъ не проходило дня,
Чтобъ господинъ Филатъ на Небеса не лаялъ;
Ему жъ казалося, что онъ правдиво баялъ.
Но какъ бы ни было, однажды въ лѣтній зной
Таща дрова, онъ столько утомился,
Что, не дошедъ домой,
Середь дороги повалился,

И съ Небомъ по своей привычкѣ побранился,
Какъ вдругъ
Громъ страшный поразилъ его преступный слухъ.
Филатъ, возведши къ верху очи,
Увидѣлъ середь дня на небѣ образъ почи.
Кто жъ былъ виною сихъ чудесъ?
Звесъ
Сходилъ съ небесъ:
Змѣисты молнiи окрестъ его сверкали,
И мрачность черныхъ облаковъ,
На коихъ возлегалъ тогда отецъ боговъ,
Златыми каждой мигъ браздами разсѣкали.
Мужикъ на землю палъ —
И робкимъ голосомъ къ Зевесу вопiялъ:
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но знай! что жалобамъ твоимъ я внемлю,
И что достигъ ко мнѣ стенящiй голосъ твой:
Ты жалокъ мнѣ, и я помочь тебѣ желаю.
Хотѣть ты можешь трехъ вещей,
Я ихъ исполнить обѣщаю.
Филатъ

Тому и радъ:
Онъ бросился Зевесу въ ноги,
А тотъ отправился въ небесные чертоги. —
Представь, читатель мой,
Съ какою радостью Филатъ пошелъ домой!
Дрова ему тогда казались легче пуху.
Спѣшитъ обрадовать онъ симъ свою старуху.
И нетерпѣніемъ хотя мужикъ пылалъ,
Однакожъ ничево въ пути не пожелалъ,
Такъ мня, что съ общаго съ супругою согласья
Придумаетъ себѣ гораздо больше счастья;
Пришедши наконецъ домой, кричитъ: жена!
Давай скорѣй вина!
Для радости такой, что Небо намъ послало,
Осьмухи выпить мало.
Потомъ
Наливъ стаканъ виномъ,
И оной осушивъ, сказалъ ей обо всёмъ;
Однако жъ въ томъ
Едва увѣрилъ,
Что онъ не лицемѣрилъ,
И тѣмъ насилу могъ ей правду доказать,
Что бъ эдакъ онъ вовѣкъ не выдумалъ солгать.
Тутъ начали они смекать,
Чего бъ имъ лучше пожелать.
А между тѣмъ, какъ симъ супруги занимались,
Ихъ щи на угольяхъ въ печи разогрѣвались.
Филатъ вскричалъ, смотря на угольки:

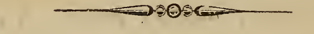
Ахъ! если бы теперь аршинъ свиной кишки!
Ужъ тото бъ было гожа! —
Лишь только онъ сіи слова сказать успѣлъ,
Какъ исполненіе желанія узрѣлъ. —
О пёсъ! дурацкая ты рожа!
Кричитъ жена;
Конечно сатана
Шепнулъ тебѣ то въ ухо?
Алмазовъ, яхонтовъ ты могъ бы пожелать;
А ты, свинья! набить желаешь брюхо,
И только лишь смекаешь жрать!
Симъ ласковымъ словамъ супруга въ заключенье
Дала ему туза,
И чуть не выдрала глаза.
Филатъ нашъ, потерявъ терпѣнье,
Едва не пожелалъ тихонько — овдовѣть; —
Не могъ бы, можетъ быть, онъ лучше похотѣть;
Однако же умѣлъ обиду ту стерпѣть,
И только пожелалъ супругѣ въ наказанье,
Чтобы аршинъ кишки сей къ носу ей приросъ.
Исполнилось его желанье:
Украсился кишкой мгновенно женнинъ носъ.
Въ какое же пришла она смущенье,
Увидя страшное столь носа приращенье!
Кричитъ она: мошенникъ! плутъ!
Скотина! —
Грозитъ отдать его подъ судъ.
Взбѣсилась Акулина:

Реветъ быкомъ,
Колотитъ безъ милости Филата башмакомъ,
И хочетъ поступить не такъ еще съ нимъ грозно,
А именно, кишкой стращаетъ удавить.
Филатъ раскаялся тогда, но только поздно:
Что пролито, то ввѣкъ не можетъ полнымъ быть.
Но чѣмъ же горю пособить?
Онъ началъ утѣшать носастую супругу,
И говорилъ ей такъ какъ другу:
Не плачь, дружочикъ мой!
Хоть я и виноватъ безмѣрно предъ тобой,
Но починить берусь, мой свѣтикъ, носикъ твой.
Богатымъ бариномъ лишь быть я пожелаю,
И сдѣлавъ длинную серебряну дуду,
Мы спрячемъ, женушка, въ нее твою бѣду.
Притомъ же хоть мужикъ, но столько-то я знаю,
Что носъ у богачей всегда живетъ пригожъ;
Повѣрь, Акулюшка! что правда то, не ложь. . . .
Нѣтъ, къ статѣ ли! жена и слушать не хотѣла,
Но всё своё несла:
Ругала мужа безъ числа;
Змѣей шипѣла,
И вдругъ вонъ изъ избы какъ птица полетѣла,
Крича: я удавлюсь,
Когда отъ сей кишки проклятой не избавлюсь,
Иль въ стѣну лбомъ ударюсь,
И сей же часъ убьюсь! —
Филатъ, увидя, что не схоже то на шутку,

И по крестьянски, впрямь любя свою жену,
Забылъ ея вину;
Престалъ ей предлагать серебряную дудку,
И пожелалъ,
Чтобъ лишній носъ ея отпалъ.
Вотъ чемъ обѣщанны желанія скончалъ!
И такъ по прежнему остались у Филата
Лишь дѣти, да жена, труды, топоръ, и хата.
Прошу, читатели, мнѣ въ грѣхъ то не вмѣнить,
Что здѣсь еще мораль хочу я прикленть:
Желаемъ мы чиновъ, желаемъ быть богаты;
И не умѣючи собой владѣть,
Желаемъ надъ людьми начальство мы имѣть;
Желаемъ — но желать вѣдь надобно умѣть!
Мы строимъ въ воздухѣ палаты;
У Неба просимъ пустяковъ,
И, словомъ, безъ обиняковъ,
Едва не всѣ ли мы Филаты!

ПРИСТЫЖЕННЫЙ МУДРЕЦЪ.

БЫЛЬ.

»Кто сколько мудростью ни знатенъ;
»Но всякой человѣкъ есть ложъ.«

Ода къ Фелицѣ.

Пусть хладный Мизогинъ прекрасный полъ злословитъ.
Пускай его кричитъ, что онъ
Въ любовны сѣти насъ на то лишь только ловитъ,
Что будто весело ему нашъ слышать стонъ;
Что женской милой взглядъ ехиднино есть жало;
Что вѣрной женщины на свѣтѣ не бывало;
Чтобъ блеска всѣхъ богатствъ, всѣхъ скиптровъ и коронъ,
Всѣхъ въ мірѣ почестей и рая даже мало,

Чтобъ постоянными принудить женщинъ быть,
И что не будетъ въ вѣкъ онъ ни одной любить....
Но недостатки ихъ хоть годъ онъ станетъ числить,
Я все по старому намѣренъ мыслить,
Не слушая отнюдь его угрюмыхъ вракъ;
Пусть продолжаетъ онъ бранить изъ всей ихъ силы,
Мнѣ женщины всегда казаться будутъ милы,
И Мизогинъ медвѣдь, комъ снѣгу и — дуракъ....
Надъ нами женску власть докажетъ повѣсть эта,
Которую начну я сказывать вотъ такъ:
Завоеватель полусвѣта
Царь Македонскій Александръ,
Герой, какова и Скамандръ
Не зрѣлъ на берегахъ своихъ во всѣ тѣ лѣта,
Какъ орошаемый имъ градъ
Насилу хитростью былъ взятъ;
Отъ Александра жъ бы отдѣлался онъ врядъ.
Стоустая Молва охрипла,
Трубя его дѣла, трубя хвалы ему;
И къ воину сему,
Какъ муха къ патокѣ, Фортуна такъ прилипла.
Но вдругъ среди своихъ безчисленныхъ побѣдъ,
Онъ грозный мечь въ ножны влагаетъ;
Опустошенный бѣдный свѣтъ
Спокойство наконецъ вкушаетъ:
Не льется болѣе рѣкой невинныхъ кровь.
Да кто же, спросятъ, былъ премѣны сей виною?
Тотъ, тигра лютаго кто дѣлаетъ овцою,

А именно: Любовь.
Она глазамъ его Темиру представляетъ,
Которая въ себѣ всѣ прелести вмѣщаетъ.
Такую красоту описывать не мнѣ,
Какой я въ жизнь мою не видывалъ во снѣ.
Эссенція была она изъ всѣхъ трехъ грацій.
Такъ пусть Д . . . . . . ъ, нашъ Горацій,
Изобразитъ ее, когда ему досугъ:
Онъ Музамъ первый другъ.
Иль пусть перомъ своимъ, перомъ изъ райской птицы,
Нашъ безподобный К . . . . нъ,
Опишетъ прелести небесной сей дѣвицы,
Такъ какъ умѣетъ онъ одинъ. . . —
Вселенной пышная корона
Противъ любви не оборона.
Крылатое дитя,
Къ Царю внезапу прилетя,
Одной улыбкой прекращаетъ
Военный страшный громъ,
И Марсовъ шумный домъ
Въ храмъ матери своей мгновенно превращаетъ,
И словомъ, ставитъ все въ верхъ дномъ.
Купцы, дворяне, царедворцы
Пылаютъ страстнымъ всѣ огнемъ;
Простые воины и даже полководцы
На посошки
Булатные мечи мѣняютъ

И всѣ поютъ, да сочиняютъ
Любовные стишки.
А наша братья стихотворцы,
Сіи старинные льстецы,
Военныхъ подвиговъ преставши быть пѣвцы,
Слагаютъ пѣсенки, идилліи, эклоги.
Къ Парнассу полны столь народомъ всѣ дороги,
Что тѣсноты такой
Никто не видывалъ во вѣкъ и на Тверской.
Всѣ тяжкіе пускаютъ вздохи,
И слышны лишь вездѣ одни увы, да охи.
Короче вамъ сказать, любовно ремесло
Въ такую моду вдругъ вошло,
Что всякой только имъ однимъ и занимался;
Никто не дѣлалъ дѣлъ,
А лишь вздыхалъ, да пѣлъ;
Подъячій ужъ не въ судъ, а на Парнассъ таскался.
Вотъ силенъ какъ Царевъ примѣръ!
Народъ большая обезьяна,
И очень правильно сказалъ старикъ Вольтеръ,
Что Августъ пилъ когда, была вся Польша пьяна.
Любовь однако жъ не бѣда,
И возбранять ее Вельможамъ бы не должно;
А въ особливости тогда,
Когда съ ихъ должностью ей совмѣщаться можно,
И быть лишь отдыхомъ отъ тяжкаго труда.
Но если бъ такъ случилось,
Чтобъ Царь, или Министръ совсѣмъ ей предался,

То бъ это ни куда конечно не годилось.
Однако жъ, кажется, я слишкомъ заврался:
Съ моралью мнѣ пора проститься;
Я все пустое говорю,
И къ Македонскому Царю
Давно ужъ время возвратиться.
Учитель былъ его и дядька Аристотъ.
Аристотелемъ бы назвать его мнѣ должно;
Но всякой тотъ,
Кто писывалъ стихи, разсудитъ что, не можно
Такова имени и въ стихъ почти вломать,
Такъ за это хулы не льзя мнѣ ожидать.
Едва ль не первый былъ политикъ
Сей славный и ученый мужъ,
Былъ философъ, поэтъ и критикъ,
Былъ проповѣдывать мораль отмѣнно дюжъ;
Былъ къ женщинамъ не падокъ,
И видя страшный безпорядокъ
Въ совѣтахъ, въ войскахъ и въ судахъ,
Пошелъ, откинувъ страхъ,
Мыть голову — Владыкѣ міра,
И началъ такъ: » твоя Темира
» Ослабила въ тебѣ геройскій прежній духъ.
» Тотъ Царь, что налагалъ на всю вселенну дани;
» Кто лаврами топить торговыя могъ бани;
» Кто очертилъ мечемъ почти земной весь кругъ;
» Тотъ гордый Царь лежитъ теперь у ногъ дѣвчонки,
» Вздыхаетъ передъ ней, цѣлуетъ ей ручонки,

»И скоро, кажется, бояться станетъ мухъ!
»Какъ могъ унизиться ты до любовной страсти,
»Которой грубыя, вещественныя сласти
»Приличны лишь однимъ скотамъ?
»Ахъ! стыдъ какой и срамъ!
»Не Персы, куры всѣ смѣяться стали намъ.
»Спѣши спасать себя отъ эдакой напасти. . . «
За этотъ комплиментъ
Не многобъ царедворецъ
Могъ получить чиновъ и лентъ;
Но нашъ утрюмый страстоборецъ
Не лакомъ былъ до нихъ
И правду говорить всегда былъ очень лихъ,
Хотя и стихотворецъ.
Царь, бросивъ на него стыдливо-грозный взоръ,
Сказалъ: »мнѣ кажется, мудрецъ, ты мѣлешь вздоръ
»Такъ грубо говорить не смѣй впередъ со мною!....«
И обратясь къ нему спиною,
Ушелъ, и проповѣдь его
Пересказалъ своей любезной,
Примолвя, что мудрецъ трудъ принялъ безполезной,
И поднималъ на смѣхъ онъ дядьку своего.
Досада, между тѣмъ, Темирѣ сердце гложетъ.
Сію досаду тотъ одинъ представить можетъ,
Иль правильнѣе молвить, та,
Которая сама любимицей бывала,
И слѣдственно сама собою испытала,
Какъ сладко занимать подобныя мѣста,

И какъ несносно ихъ лишаться;
Несносно, точно такъ,
Какъ въ адъ изъ рая низвергаться,
Коль не безщотной я дуракъ.
Темира мщеніемъ однако же пылаетъ:
Мгновенно планъ ему въ умѣ своемъ чертитъ,
Царю объ ономъ сообщаетъ,
И обѣщаетъ,
Что завтра жъ старому хрычу она отмститъ
И дѣльно! Какъ же онъ Царю не возбраняетъ
Родъ человѣческій рубить и жечь
Варить и печь,
Любиться же не дозволяетъ!
За это бъ мудреца не худо и посѣчь. . . . —
Аристотелевъ же учебный кабинетъ
Устроенъ былъ надъ цвѣтниками.
Старикъ чѣмъ свѣтъ
Ходилъ туда учиться
И въ фоліянтахъ рыться.
По утру Царь дневной изъ Понта лишь возникъ,
Темира, легинькой тюникъ
Накинувъ на себя, летитъ въ цвѣтникъ,
Надъ коимъ жилъ старикъ.
Спѣша свершить свои затѣи,
Имѣя на умѣ лишь мщеніе одно,
Плутовка на его окно
Наводитъ сильныя кокетства батареи.
Старикъ давнымъ давно надъ книгами корпѣлъ,

Трудился и потѣлъ,
Какъ всѣ такіе грамотеи. . . .
Какъ вдругъ,
Небесно пѣніе Сирены
Сквозь толстыя проникнувъ стѣны,
Его пронзаетъ слухъ;
Затрепетали въ немъ всѣ жилки;
Сильнѣе Лейденской бутылки (*)
Сей безподобный гласъ
Всѣ фибры въ немъ потрясъ.
Онъ бросился къ окошку
И что жъ узрѣлъ въ саду? — Конечно ужь не кошку;
Онъ видитъ на софѣ дерновой всѣ красы:
Малиновы уста, каштанные власы. . . .
»Что въ сердцѣ у меня такъ стало гомозиться?
Вскричалъ Аристотель. »Ахти! никакъ любовь!
»Но къ статѣ ли мнѣ такъ на старости страмиться,
»Когда моя холодна кровь
»Дошла уже почти до точки замерзанья;
»Мнѣ ль страстныя пускать вздыханья?
»Мнѣ ль чувствовать любовь,

(*) Для незнающихъ Физики долженъ я сказать, что Лейденская бутылка есть стеклянный сосудъ, обложенный внутри и съ наружи оловянными листами до двухъ третей высоты; одну или нѣсколько такихъ банокъ присоединяютъ къ электрическимъ машинамъ для сильнѣйшаго дѣйствія.

»Когда гнететъ меня годовъ тяжело бремя;
»Когда жестокое, неумолимо время
»Кладетъ мнѣ лысую печать свою на темя;
»Какъ на лицѣ моемъ есть тысячь пять морщинъ,
»И смерть отъ плечь моихъ ужъ только на аршинъ?...
»О, мудрость! тщетно ль я гонялся за тобою?
»Спѣши на выручку къ любимцу своему!
»И сжалясь надъ моей нещастною судьбою,
»Изъ сердца изгоняй любовную чуму...«
Однако жъ какъ мудрецъ съ любовію ни вздоритъ,
Ее не переспоритъ:
Ей самой сильной силлогисмъ
Ничто, какъ слабый лишь софизмъ.
Эротъ маличишка своевольный,
И Логика его сильнѣй гораздо школьной.
Мудрецъ въ досадѣ самъ себѣ глаза подбилъ;
Но сколько онъ ни куролѣсилъ,
Эротъ однако жъ въ немъ премудрость перевѣсилъ
И въ рекруты къ себѣ его онъ подцѣпилъ. —
Нашедши Моралистъ нашъ зеркальца кусочикъ,
Искусно восщечкомъ къ обоямъ прилѣпилъ:
Оставшихъ волосовъ пригладилъ хохолочикъ;
Потомъ, открывъ свой чемоданъ,
Онъ выпулъ изъ него голубинькой кафтанъ;
На шею повязалъ платочикъ,
Какъ будто алинькой цвѣточикъ,
Въ карманъ же положилъ другой,
Италіянской голубой;

А въ праву руку взялъ онъ модную дубинку,
И словомъ, точно такъ,
Одѣлся старой нашъ дуракъ,
Какъ, въ *по мосту мосту*, поютъ намъ про дѣтинку.
Окончивъ туалетъ
И съ мудростью простясь, пошелъ нашъ дѣдъ
Еще срамиться:
Пошелъ въ любви своей Темирѣ онъ открыться,
И въ ноги къ ней упавъ, сказалъ ей: »весь я твой!
»Ступай хотя сей часъ въ Гражданскую Палату
»И крѣпость совершай, а за это въ заплату
»Хоть взглядомъ награди жестокой пламень мой.
»Я лишнихъ предъ тобой лѣтъ сорокъ пять имѣю,
»Но слово лишь скажи — я въ мигъ помолодѣю;
»Совсѣмъ перерожусь,
»Не въ дѣдушки тебѣ, въ любовники гожусь.... —
»Что вижу я, кричитъ Темира,
»Тотъ славный философъ, свѣтильникъ гордый міра,
»Которой нападалъ такъ на любовну страсть
»И хладнокровіемъ хвалился,
»Неустыдился
»Къ ногамъ моимъ упасть?
»Сей важный Моралистъ *лежитъ у ногъ дѣвчонки!*
»*Вздыхаетъ передъ ней, цѣлуетъ ей ручонки!*....
»Ты вѣрно, дѣдушка, смѣешься надо мной?
»Какъ можно этому повѣрить!...
»Но способъ я нашла любовь твою измѣрить;

»И если справедливъ *жестокой пламень твой,*
»Конечно ты мое исполнишь предложенье:
»Пришло мнѣ сильное хотѣнье
»Поѣздить на тебѣ верхомъ..;
»Постой! я сбѣгаю въ минуту за сѣдломъ...«
Не могъ ему обманъ плутовкинъ быть примѣтенъ:
Кто истинно влюбленъ, тотъ слѣпъ и безотвѣтенъ.
Мудрецъ же былъ притомъ весьма самолюбивъ;
И такъ, себя забывъ,
На четвереньки становится
Нашъ старой грѣшникъ и страмецъ,
И подъ сѣдломъ уже какъ добрый конь бодрится...
Какъ долженъ быть смѣшонъ осѣдланной мудрецъ!!..
Темира ставитъ ножку въ стремя,
И будучи какъ пухъ легка,
Вспрыгнула въ мигъ на старика;
Толкаетъ подъ животъ его и подъ бока,
Какъ будто лошака:
А онъ, почувствовавъ пріятное столь бремя,
Запрыгалъ, заскакалъ,
Какъ Александровъ Буцефалъ.
Печаталъ на пескѣ свои онъ руки, ноги;
Ученая жъ его сѣдая борода,
Какъ будто помѣло, мѣла въ саду дороги;
Но что же, мыслитъ онъ, какая въ томъ бѣда?
Не вѣчно мнѣ возить, на все вѣдь есть череда....
А между тѣмъ его Темира погоняетъ
И пѣсни попѣваетъ.

Ужъ всѣ почти мѣста изъѣздилъ онъ въ саду. . . .
Какъ вдругъ — о Боги!
Къ смертному его стыду
И къ неописанной досадѣ,
Когда лишь только онъ пускаться сталъ въ галопъ,
Смѣхъ громкій поразилъ его какъ камень въ лобъ.
Но кто жъ смѣялся такъ? Самъ Царь тутъ былъ въ засадѣ. . . .
»Ага! вскричалъ Монархъ, премудрый Аристотъ!
»Что скажешь ты теперь? Не тотъ ли полно скотъ,
»Сѣдлать себя кто позволяетъ
»И такъ искусно роль осла кто представляетъ?... — «
Осѣдланный мудрецъ, стыдясь глядѣть на свѣтъ,
Зажмуривши глаза, далъ сей Царю отвѣтъ:
»Такъ, смѣйся, Александръ, я этого достоинъ.
»Но видишь ли теперь,
»Какой, любовь, опасный звѣрь?
»Ты вѣчно безъ нее былъ первый въ свѣтѣ воинъ,
»А я, пошлюсь на всѣхъ, былъ хоть куда мудрецъ,
»А нынѣ, вижу самъ, что сталъ большой подлецъ.
»Послушай же меня! оставь колдовку эту!
»Семь мудрецовъ она способна впречь въ карсту,
»Не только осѣдлать меня. . . «
Но если бъ Аристотъ прочелъ морали книгу,
То и тогда бы скушалъ фигу:
Не залилъ бы въ Царѣ любовнаго огня:
Темиру онъ любилъ сердечно;
Но такъ какъ все у насъ невѣчно,

То сей огонь горѣлъ, горѣлъ, да и погасъ.
Вы видите, друзья, что время во сто разъ
Въ сихъ случаяхъ сильнѣй всѣхъ школьныхъ пустомелей,
Сильнѣе Логики и всѣхъ Аристотелей.

БАСНИ.

ТЫКВА И ЖОЛУДЬ.

Все что ни видимъ мы, премудро создалъ Богъ,
И рѣдкой, думаю, въ томъ будетъ несогласенъ,
Что міръ хорошъ, коль не прекрасенъ.
Я множествомъ вещей то доказать бы могъ;
Но вдаль ходить зачѣмъ? сей трудъ бы былъ на-
прасенъ,
Когда я подъ носомъ ту мудрость нахожу,
И оную сей часъ вамъ въ тыквахъ покажу.
Примѣръ мнѣ вотъ какой попался:
Однажды, лѣтнею порой,
Макаръ домой
Съ работы возвращался;
Нашелъ онъ на пути какой-то огородъ,
Въ которомъ росъ сей крупной плодъ;
Съ другой же стороны онъ видитъ лѣсъ дубовой.
Предметъ казалось бы не новой;
Но взяло отъ того раздумье мужика.
Погладивъ бороду, подпершись подъ бока.

Мужикъ пришелъ въ сомнѣнье,
И превратяся въ мудреца,
Такое сдѣлалъ разсужденье:

. . . .
. . . .

Мужикъ съ три короба еще бъ наговорилъ;
Но отъ усталости, притомъ же и отъ жара,
Вдругъ сонъ его склонилъ.
А прежде, чѣмъ лечь спать, онъ сдѣлалъ заключенье,
Что за премудрое такое откровенье
Въ прикащики его бояринъ изберетъ,
И что умнѣй его во всей округѣ нѣтъ.
Мужикъ, какъ сатана, сей мыслью возгордился,
И спать подъ дубомъ повалился.
Но только лишь заснуть успѣлъ,
И захрапѣлъ,
Какъ съ верьху дуба вдругъ свалился
Отъ вѣтру жолудокъ,
И прямо въ носъ ему такой влѣпилъ щелчокъ,
Что нашъ прикащикъ пробудился,
Нелѣпо закричавъ
Потомъ сыскавъ;
Тотъ жолудь, боли сей причину,
Которой у него остался въ бородѣ,
Ага! сказалъ Макаръ, мой носъ-то весь въ рудѣ!
Не на прикащика похожъ я, на скотину!
И всякой тотъ
Кто Бога хаетъ,

Хоть звѣзды онъ съ небесъ хватаетъ,
Какъ я, такой же скотъ.
Ну если бъ тыква-то грѣхомъ упала съ дуба,
То не осталось бы во рту моемъ ни зуба.

НОВИЗНА.

Въ страну, дурачество въ которой обитаетъ,
Зашла однажды Новизна:
Народъ на встрѣчу ей бѣжитъ и восклицаетъ:
О! какъ же хороша она!

Младая Новизна! останься жить ты съ нами!
Кричали дѣти суеты;
Ты будешь дѣйствовать надъ нашими душами
Сильнѣй ума и красоты.

Согласна съ вами я, друзья мои, остаться,
Рекла Богиня дуракамъ;
Вы завтра жь можете со мною повидаться,
Коль такъ мила я стала вамъ.

Лишь только день насталъ, Богиня нарядилась
Такъ точно, какъ была вчера;
Но первый, коему она лишь появилась,
Вскричалъ: ахъ! какъ она стара!

Смерть и дровосѣкъ.

Согбенный старостью, трудами изнуренный,
Какой-то дровосѣкъ подъ ношей дровъ стеналъ,
И вдругъ послѣднихъ силъ усталостью лишенный,
Онъ, сбросивъ съ плечь дрова, кончину призывалъ.
Зачемъ ты звалъ меня пришедши смерть спросила. —
Затѣмъ, чтобъ ты дрова тащить мнѣ пособила.

ПЫЛЬ И АЛМАЗЪ.

Однажды, лѣтнею порою,
Ужасная гроза возстала послѣ зною;
Завылъ жестокій вѣтръ, дубъ гордый затрещалъ;
Стихіи межь собой заспоривъ подралися;
Пыль, стружки, щепки, листъ, на воздухъ поднялися,
Взвились — и бурный вихрь ко тверди ихъ помчалъ:
Съ главы красавицы, гуляющей съ петиметромъ,
Не знаю какъ-то вдругъ Алмазъ сорвало вѣтромъ,
И кто-то невзначай въ навозъ его втопталъ.
Пыль, между тѣмъ, узрѣвъ себя подъ небесами,
И видя чуть Алмазъ внизу попранъ ногами,
Негоднымъ подлецомъ гордясь его звала.
Однако же сія надменная хула
Въ Алмазѣ никакой досады не раждаетъ;
Онъ ей съ презрительной улыбкой отвѣчаетъ:
Пространство правда насъ большое раздѣляетъ,
Но разность больше есть еще съ тобой у насъ;
Ты пыль — а я Алмазъ.

СОЛОВЕЙ, ПОПУГАЙ, КОШКА И МЕДВѢДЬ.

Весьма, мнѣ кажется, тотъ глупо поступаетъ,
Кто свой лишь хвалитъ вкусъ, а прочихъ охуждаетъ.
Я это докажу
Сей часъ примѣромъ,
И сказку вамъ скажу
Езоповымъ манеромъ. —
Ахти! читатели, какой я молодецъ!
Я вамъ изъ басни сей двѣ выведу морали,
Изъ коихъ первую ужъ вы и прочитали,
Вторую жъ берегу на самой я конецъ.
Однажды Соловей спросилъ у Попугая:
Скажи, что въ комнатѣ у васъ за вонь такая,
Сосѣдъ любезной мой!
И что за дымъ такой,
Тяжелой и густой,
Ко мнѣ сквозь сѣтку
Набился въ клѣтку?
Мнѣ тошно отъ него и ломитъ голова. —

По людски Попугай болтать былъ мастеръ;
Онъ вотъ какъ отвѣчалъ: виной тому трава,
Которая зовется кнастеръ;
Ее нашъ Баринъ жжетъ,
И этотъ дымъ, мой свѣтъ,
Которой боль тебѣ такую приключаетъ,
Онъ съ жадностью глотаетъ,
Великой находя въ ней смакъ. —
Какой же онъ дуракъ!
Возможно ль статься,
Воскликнулъ Соловей,
Чтобъ могъ питаться
Онъ дрянью сей?
Не ужто въ свѣтѣ есть такіе басурманы,
Для коихъ могутъ быть невкусны тараканы?
Они-то прямо барской кусъ!
А онъ отъ кушанья такова морщитъ усъ;
О! какъ испорченъ нынѣ вкусъ! —
Вздоръ! молвилъ Попугай; не то онъ долженъ ку-
шать;
А если бъ онъ хотѣлъ меня послушать,
И былъ бы умной человѣкъ,
Тогда бъ лишь сахаръ ѣлъ и не пилъ бы вовѣкъ. —
Не правы оба вы, мяукнула имъ Кошка;
Когда бы вкусу онъ хоть капельку имѣлъ,
То бъ безъ сомнѣнія мышей да крысъ лишь ѣлъ. —
Всѣ трое глупы вы! внезапу заревѣлъ
Медвѣдь, прикованный къ столбу возлѣ окошка;

Когда бъ по правиламъ онъ вкуса поступалъ,
То вѣрно бы себя хищеніемъ питалъ,
Безсильныхъ, такъ какъ я, терзая безъ разбору,
А въ осень, выкопавши нору,
Онъ въ ней бы полгода по моему лежалъ
И жиръ изъ лапъ сосалъ. . .
Ну, что вы скажите объ этомъ?
Не самой ли благой совѣтъ ему я далъ? —
Погибни ты, Медвѣдь, съ благимъ твоимъ совѣтомъ!
И такъ ужъ многіе по твоему живутъ;
Лишь тѣмъ страшнѣй тебя, что жиръ чужой сосутъ.

Двѣ собаки.

У какой-то дворянки собачка жила,
И была госпожѣ своей столько мила,
Что всегда на одной съ ней постелѣ спала,
Съ ней играла, съ ней ѣла и чай съ ней пила;
Словомъ, эта собачка жила какъ въ раю;
Равной въ счастіи не было ей въ томъ краю.
Но вѣдь скучно, когда все одно, да одно;
Если кто въ раю годъ другой посидитъ,
То и рай у того на душѣ замутитъ.
Собачонка однажды смотрѣла въ окно,
И изъ горницы выждавъ хозяйку свою,
Благимъ матомъ прыгнула на дворъ изъ окна;
Тамъ побѣгавъ, попрыгавъ, устала она;
Съ непривычки прогулка была ей трудна.
Собачонка разинувши ротъ,
Дотащилась на силу до заднихъ воротъ.
Какой новой предмѣтъ предъ нее тамъ предсталъ!
Песъ дворной тутъ въ цѣпи на соломѣ лежалъ
И съ великою жадностью кости глодалъ.
Какъ не стыдно тебѣ дрянь такую глодать?

Закричала Фиделька. — Но гдѣ жъ лучше взять?
Тяжело воздохнувъ ей отвѣтствовалъ песъ:
Я и то почитаю за кладъ,
И безъ памяти радъ,
Что такое мнѣ лакомство дворникъ принесъ.
О бѣдняжка! сказала собачка ему:
Какъ мнѣ хочется горю помочь твоему!
Ты бы могъ письмецо господину подать
И въ немъ службу и нужду свою описать.
Песъ сказалъ ей въ отвѣтъ:
Благодаренъ, мой свѣтъ,
За твой доброй совѣтъ,
Но въ немъ пользы мнѣ нѣтъ.
Господину извѣстно ужъ нѣсколько лѣтъ,
Какъ я жизнь здѣсь веду,
И надежду спастись отъ несносныхъ сихъ бѣдъ
Я на смерть лишь кладу.
Голодъ, холодъ терплю;
И всю ночь на пролетъ я не сплю;
Стерегу, чтобы воръ
Какъ нибудь чрезъ заборъ
Не прокрался на дворъ;
Отъ бреханья жъ какъ чирій болитъ голова,
А награда за службу мнѣ вотъ какова! —
Вотъ какая мораль къ этой баснѣ годна:
Жизнь почти не всегда ль тѣхъ бѣдна,
Отъ которыхъ видна
Только польза одна?

ОТСТРѢЛЕННАЯ НОГА.

О вещахъ такихъ есть споры,
Каковыхъ въ природѣ нѣтъ,
И за то ученыхъ ссоры
Вѣрно слышалъ часто свѣтъ.
Коль кому соврать случится,
Что не скоро проявится
Въ три ста саженъ Великанъ,
То педантъ, взявъ инструменты
И Эвклида элементы,
Правдою почтя обманъ,

☆

Измѣряетъ Великана,
И по знанью своему
Скажетъ, сколько для кафтана
Надобно сукна ему,
Сколь велики голѣнищи;
Много ль съѣстъ уродъ сей пищи;
Дуренъ онъ, или пригожъ;

А того не разсуждаетъ,
Не напрасно ль трудъ теряетъ,
Правда ль слухъ тотъ, или ложь.

☆

Бросимъ мы нравоученье,
На другой оставимъ разъ.
Полно дѣлать поученье,
А скажу теперь разсказъ,
Докажу которымъ ясно,
Что трудиться чѣмъ напрасно
И надъ вздорами потѣть,
Лучше будетъ, если прежде,
Не повѣривши невѣждѣ,
Вѣроятно ль, разсмотрѣть.

☆

Нѣкто письма получаетъ . . .
Вѣсть покажется нова;
Съ удивленьемъ онъ читаетъ
Въ томъ письмѣ сіи слова,
Что въ военную тревогу
У матроса чемъ-то ногу
Въ кораблѣ отшибло прочь;
Лѣкарь, ногу ту приставя
И по прежнему направя,
Вмигъ умѣлъ ему помочь.

☆

Прочитавъ, сказалъ: » Признаюсь,
» Эта вѣдомость чудна;
» Лишь немного сомнѣваюсь,
» Справедлива ли она.
» А дабы извѣдать точно,
» Вправду ль то, или нарочно,
» Къ Докторамъ за тѣмъ пойду:
» Въ ихъ собраніи ученомъ
» Донеся о чудѣ ономъ,
» Вѣрно истину найду. «

Взявъ съ собою ту страницу,
Онъ пошелъ въ ученыхъ домъ;
Показавъ имъ небылицу,
Проситъ толку онъ о томъ;
А ученые читаютъ,
Межъ собою въ споръ вступаютъ,
Подымаютъ шумъ и крикъ.
Правъ изъ нихъ хотѣлъ быть всякой;
Чуть не кончился шумъ дракой,
Сдѣлался соблазнъ великъ.

☆

Былъ одинъ весьма задоренъ
Изъ мужей премудрыхъ тѣхъ;
Бывъ симъ споромъ недоволенъ,
Превзойти желая всѣхъ,
Диссертацію мараетъ,

Длинну книгу сочиняетъ
Толщиною пальцовъ въ шесть.
Онъ безъ отдыха трудится,
Доказать въ той книгѣ тщится,
Что правдива эта вѣсть.

☆

Трудъ мудрецъ свой совершивши,
На бѣло списавъ тетрадь,
И латинью испестривши,
Отдаетъ ее въ печать.
А что вѣсть сія не ложна,
Вѣроятна и возможна,
Силлогизмомъ доказалъ,
Пишетъ: есть дѣла труднѣе,
Вѣримъ имъ, хоть и чуднѣе,
Ergo: я за правду сталъ.

☆

Между тѣмъ какъ сей ученой
Свой надменный тѣшитъ духъ,
Тотъ, кто слухъ разсѣялъ оной,
Вотъ о немъ что пишетъ вдругъ:
» Государь мой! не взыщите;
» Я ошибся, извините,
» Хоть ошибка и мала;
» Вѣдь нога, что отстрѣлили
» И такъ скоро приростили,
» *Деревянная была.* «

КЕДРЪ.

Любимецъ гордаго Царя восточныхъ странъ,
Блестящихъ милостей Калифовыхъ лишенный,
Стрѣлами зависти сраженный Зюлиманъ,
Въ пустынѣ въ бѣдности влачилъ свой вѣкъ плачевный.

☆

Честь, слава, такъ какъ дымъ, исчезли для него:
Ихъ мѣсто заняли скорбь, слезы и страданье,
И образъ прежняго блаженства своего
Онъ зрѣлъ въ мучительномъ одномъ напоминаньѣ.

☆

Еще ударъ ему наноситъ злобный рокъ:
Младую, нѣжную Фатиму онъ теряетъ:
Объятый мразомъ бѣдъ, сей утренній цвѣтокъ
Въ глазахъ несчастнаго супруга увядаетъ!

☆

Остался сынъ ему, милѣй сокровищъ всѣхъ;
Сей сынъ бы нѣкогда закрылъ его зѣницы,

Онъ былъ бы въ старости виной его утѣхъ...
Увы! невиннаго ведутъ во мракъ въ темницы!

Кого жъ наперсникомъ тоски своей избралъ
Злосчастный Зюлиманъ въ своемъ уединеньѣ?
Невинность онъ свою предъ Кедромъ изъявлялъ,
И древу сему ввѣрялъ свое мученье.

Содѣлавшись рабомъ обычая сего,
Стеналъ онъ нѣкогда при корнѣ древа сидя;
Свидѣтель прежнія великости его
Съ улыбкой злобною сказалъ, его увидя:

Не стыдно ли тебѣ столь малодушнымъ быть?
Иль мнишь, что жалобамъ твоимъ сей кедръ внимаетъ?
Льзя ль утѣшеніе отъ древа получить?...
Несчастье, Зюлиманъ, твой разумъ заблуждаетъ.

Въ отвѣтъ сіи слова ему страдалецъ рекъ:
Дивишся ты, что кедръ меня сей утѣшаетъ?
Нѣжнѣе онъ тебя, жестокой человѣкъ!
По крайней мѣрѣ онъ мнѣ плакать не мѣшаетъ.

ПОЭМА.

ooooooooooooooooooooooooooooooooooooo

АМУРЪ,

ЛИШЕННЫЙ ЗРѢНІЯ.

Пою несчастіе, отъ коего Эротъ
Сталъ слѣпъ, какъ кротъ.
О вы, чувствительныя души!
Развѣсьте уши,
Разиньте ротъ;
Дыханіе свое, сколь можно притаите,
И пѣснѣ жалкой сей внемлите....
Но нѣтъ, немного погодите;
Мнѣ должно сдѣлать здѣсь возгласъ:
Отдѣлаюсь тотчасъ.
О ты, что на Сибирь взираешь изъ подлобья (*)!
Скажи мнѣ, свѣтлый Фебъ, за что до насъ ты лихъ?
За толь, что своего блестящаго подобья
Не видишь здѣсь ни въ чемъ, какъ лишь почти въ однихъ

(*) Эта повѣсть сочиненна въ Сибири.

Прозрачныхъ льдяныхъ сосулькахъ,
Да въ таковыхъ же пулькахъ,
Которы бѣдная Аврора вмѣсто слезъ,
Отъ стужи плачуща, бросаетъ къ намъ съ небесъ?
Но кто жъ виновенъ въ томъ, коль самъ ты насъ не
грѣешь?
Ты права не имѣешь
Коситься такъ на насъ.
Услышь же мой къ тебѣ охриплый съ стужи гласъ,
Пожалуй, сдѣлай одолженье!
Просунь сквозь снѣжныхъ тучъ
Хотя одинъ свой лучъ,
И мерзлое мое распарь воображенье.
Теперь, читатели, прошу мнѣ сдѣлать честь,
Прочесть,
Что объ Эротѣ вамъ желаю я донесть.
Оставя нѣкогда небесные чертоги,
Задумали сойти на землю древни Боги;
Омиръ покойникъ былъ тогда еще въ живыхъ,
И онъ-то позвалъ ихъ.
Зачѣмъ? вы спросите; — не знаю:
Откушать, можетъ быть, или на чашку чаю;
Извѣстно, что онъ былъ имъ закадышной другъ:
Ѣдалъ амврозію, тянулъ и нектаръ съ ними;
Со спящихъ же Богинь обмахивалъ онъ мухъ,
И часто забавлялъ ихъ сказками своими.
Но полно вамъ скучать подробностями сими.
Теперь поѣдемъ мы на часъ въ небесной домъ:

Мнѣ хочется, чтобъ вы со мною прокатились,
И посмотрѣли бъ тамъ, какъ Боги въ путь пустились.
Они отправились въ порядкѣ вотъ какомъ:
Зевесъ сѣлъ на орла съ Юноною верхомъ,
На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу громъ;
Потомъ за прочими начальными Богами,
Вулканъ шелъ съ молотомъ и съ длинными рогами;
Которы пріобрѣлъ своею онъ виной,
Ревниво поступавъ съ женой.
Позвольте на часокъ мнѣ здѣсь остановиться,
Хочу съ ревнивыми немного побраниться.
Послушайте, друзья,
Ревнивые мужья!
Совѣтую вамъ я
Не слишкомъ строгости къ супругамъ предаваться
Когда не любите бодаться.
Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей,
Не запирайте женъ, какъ старицъ иль звѣрей;
А то, когда на часъ явится имъ свобода,
Тогда-то госпожа Природа
Свое возьметъ,
И то, надъ чемъ съ трудомъ вы много лѣтъ корпѣли
Въ минуту пропадетъ;
А вы на вѣкъ съ рогами сѣли.
Совѣтъ полезный давши вамъ,
Я обращаюся къ Богамъ.
Зефиры собрались на пиръ туда же съ ними,

Такъ и начнемъ мы ими.
Надмѣру нѣжные и малые божки,
Дабы не простудили ножки,
Обулись въ теплые сапожки,
И чтобъ отъ вѣтру имъ сберечь свои ушки,
Надѣли лисьи треушки,
И сѣли въ дрожки,
Въ которыхъ бабочекъ впряженъ былъ цѣлой цугъ;
А на запяткахъ, вмѣсто слугъ,
Стояла пара Шпанскихъ мухъ:
Да сверхъ того еще божковъ конвоевали
Шестнадцать бойкихъ комаровъ;
Носами острыми и пискомъ погоняли
Крылатыхъ легкихъ скакуновъ.
Но чья везется колесница
Четверкой сизыхъ голубей?
Конечно то любви Царица
Желаетъ прокатиться въ ней?
Такъ точно. Вотъ она садится;
За нею въ слѣдъ, рѣзвясь, толпится
Рой цѣлой Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Утѣхъ.
Но какъ ихъ посадить съ собой Богинѣ всѣхъ?
Не льзя; однако жъ съ ней иные заломались,
Другіе въ ноги побросались,
Иные, не успѣвши сѣсть,
Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,
Бросали къ ней цвѣты и пѣсни пѣли
Богинѣ въ честь;

Иные втерлись къ ней за спинку,
Иные скрылись въ волосахъ,
Иные въ ямкахъ на щекахъ,
Иные впутались въ косынку,
Иные . . . Но оставимъ ихъ;
Давно пора мнѣ догадаться,
Что я болтать отмѣнно лихъ;
Но впредь не буду я такъ много завираться,
И въ двухъ скажу стихахъ
О прочихъ всѣхъ Богахъ:
Они туда жъ помчались,
Иной на радугѣ верьхомъ,
»Иной на облакѣ, иной пошелъ пѣшкомъ;
А дома лишь Эротъ съ Дурачествомъ остались,
Одинъ за тѣмъ, что малъ; другой за тѣмъ, что глупъ.
Но что же дѣлать имъ, оставшись на просторѣ?
Молчать? Эроту горе;
Калякать о любви? — Его товарищъ тупъ:
Не знаетъ и началъ прекрасной сей науки.
Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавши руки,
Эротъ сказалъ ему вотъ такъ: Дуракъ!
Теперь одни съ тобой мы дома,
Такъ станемъ какъ нибудь играть,
Хоть въ жмурки; вѣдь игра тебѣ сія знакома:
Все лучше, нежели отъ скуки намъ зѣвать.
Охъ, нѣтъ! въ отвѣтъ сказалъ глупецъ Эроту;
Давно я потерялъ къ играмъ такимъ охоту;
А дай мнѣ свой колчанъ на часъ,

Хочу я испытать одинъ хоть въ жизни разъ,
Умѣю ль дѣйствовать и я, какъ ты, стрѣлами;
Я самъ тебѣ за то, голубчикъ, отплачу,
Пузырики пускать тебя я научу:
Клянуся въ томъ тебѣ и Стиксомъ и Богами.
Эротъ было сперва и слушать не хотѣлъ;
Но сладить съ дуракомъ, скажите, ктобъ умѣлъ?
И такъ онъ наконецъ былъ долженъ согласиться:
Дурачество жъ къ нему умѣло подлеститься,
Давъ опытъ, пузыри изъ мыла какъ пускать.
Эроту новость та чрезмѣрно полюбилась,
Товарищъ же его взялъ лукъ и сталъ стрѣлять;
Но вотъ бѣда какая вдругъ случилась:
Дурачество, разинувъ ротъ,
Въ безмѣрной радости не видя, гдѣ Эротъ,
Стрѣльнуло изо всей своей дурацкой мочи,
И вышибло ребенку очи!
Какой нелѣпой поднялъ вой
Лишенный зрѣнія, крылатый мой герой!
Искусной же стрѣлокъ, отъ страха и печали
Разинувши свой зѣвъ,
Такой пустилъ ужасный ревъ,
Какъ будто бы съ него живова кожу драли.
Вытье его оттоль повсюду разнеслось,
Все зданье отъ того небесное тряслось.
Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ несчастныхъ,
И съѣздимъ въ тлѣнный міръ.

Я чаю, кончился уже давно тотъ пиръ,
Которой жителямъ небесъ давалъ Омиръ.
На лицахъ ихъ, отъ спирта красныхъ,
Сверкаютъ радости слѣды.
Не вѣдая совсѣмъ ужасной той бѣды,
Которая безъ нихъ на небесахъ стряслася,
Толпа божественна въ свояси поднялася,
Съ хозяиномъ простясь,
И точно такъ же, какъ и прежде помѣстясь.
Какая сдѣлалась тревога,
Какъ мать слѣпаго бога
Домой пришла!
Ахъ! что она нашла!
Богиня видитъ токи крови,
Зритъ сына своего:
Прелестные жъ глаза гдѣ были у него,
Тамъ только ямочки осталися, да брови.
Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:
Какое зрѣлище для матери столь нѣжной!
На мѣсто розъ вступилъ въ лице ея цвѣтъ снѣжной,
Затмилися ея небесныя красы;
Терзаетъ въ горести она свои власы;
Колѣни слабые едва ее держали,
И если бы когда Богини умирали,
То этой вѣрно бъ умереть;
Но Боги вѣдь не мы, такъ какъ же быть—Терпѣть.
Но можно ль перенесть столь бѣдствіе несносно?
Богинѣ же не мстить — и горько и поносно,

Горя отмщеніемъ, вдругъ силу ощутивъ,
И взоръ съ плачевнаго предмета совративъ,
На крыльяхъ бѣшенства летитъ она въ чертоги,
Гдѣ былъ Зевесъ и прочи Боги.
Киприда въ ярости, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Вбѣжавъ растрепана, во всѣхъ вселяетъ страхъ,
Бросается Зевесу въ ноги,
И вздохи тяжкіе пуская безъ числа,
О бѣдствіи своемъ рыдая донесла.
Зевесъ, услыша то, столь сильно огорчился,
Что чуть съ престола не свалился.
О лютая напасть!
Отецъ Боговъ, разинувъ пасть,
Реветъ быкомъ и стонетъ,
Боговъ съ Олимпа гонитъ;
Потомъ съ отчаянья онъ на стѣну полѣзъ.
Не столько въ бурный вѣтръ шумитъ дремучій лѣсъ,
Не столько Турокъ золъ, содѣлавшись съ рогами,
Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, стучалъ ногами,
Сбираясь пересѣчь Боговъ всѣхъ батогами.
Онъ реветъ
И мечетъ,
Попавшихся ему деретъ,
Какъ перепелокъ кречетъ;
Шумитъ,
Гремитъ,
Своей заморской ищетъ трости,
И хочетъ изломать Дурачеству всѣ кости.

Уставши наконецъ, Зевесъ потише сталъ,
И драться пересталъ;
Но вотъ что бѣдному Дурачеству сказалъ:
Скотина!
За то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,
Которой мой любимой внукъ,
Достоинъ ты ребромъ повѣшенъ быть на крюкъ;
Но я свой гнѣвъ смягчаю,
И вотъ какую казнь тебѣ опредѣляю:
Съ сего часа всегда съ Эротомъ ты ходи;
Куда бъ онъ ни пошелъ, вездѣ его води.
Вотъ что на вѣки я тебѣ повелѣваю!« —
Потомъ пощечины двѣ-три ему влѣпилъ,
Да тѣмъ и заключилъ.
Съ тѣхъ поръ Дурачество всегда съ Амуромъ ходитъ.
Но это бы еще не важная бѣда,
А вотъ лишь плохо что: — Дурачество всегда,
Когда стрѣляетъ онъ, его руками водитъ;
Какой же можетъ быть тутъ ладъ?
Безмозгло божество стрѣляетъ не впопадъ;
Ударъ любви съ тѣхъ поръ намъ въ голову приходитъ
Почти всегда,
И очень мѣтко;
А въ сердце никогда,
Иль очень рѣдко.

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЕ.

Къ Киргизъ-Кайсацкому Царю Всемилу, Внуку Премудрыя, Великія и Единственныя Фелицы, на всерадостное возшествіе Его на Престолъ, Марта 12, 1802 года. Сочинилъ на Татарскомъ языкѣ нѣкоторой Киргизецъ, а съ онаго на Россійской перевелъ П. С.

*

» Текутъ пріятныя слезъ рѣки
» Изъ глубины души моей. . .
» О! коль счастливы человѣки
» Тамъ должны быть судьбой своей,
» Гдѣ Ангелъ кроткой, Ангелъ мирной
» Сокрытой въ свѣтлости порфирной,
» Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить!«

Ода къ Фелицѣ.

☆

» Quel bonheur de penser et de dire en soi-même!
» Partout dans ce moment on me bénit, on m'aime:

» On ne voit point le peuple à mon nom s'alarmer ;
» Le ciel dans tous les pleures ne m'entend point nommer ;
» La sombre inimitié ne fuit point mon visage ;
» Je vois voler partout les coeurs à mon passage. «
Racine.

☆

Средь кликовъ радостныхъ и благодарныхъ слезъ,
Которы Твой народъ счастливый проливаетъ —
Твоими благостьми онъ дни свои считаетъ —
Боготворимый Царь! безцѣнный даръ небесъ!
Къ Тебѣ послѣднѣйшій Твой подданный взываетъ!
Къ намъ вѣсти привозилъ ужъ не одинъ гонецъ,
Что Ты не столь Монархъ, сколь нѣжный намъ Отецъ;
Что гнѣва и тогда ни мало не являешь,
Когда, усердіемъ горя, Киргизъ простой
Дерзаетъ возносить къ Тебѣ гласъ грубый свой;
И что не въ телескопъ на ликъ взираютъ Твой,
Но близко подходить къ себѣ Ты дозволяешь:
Такъ для чегожь и мнѣ не говорить съ Тобой?
Безъ страха Твой народъ вокругъ Тебя тѣснится,
Коль дѣти мы Твои, чего жъ и мнѣ страшиться?
О, вы! почтенные Эмиры и Паши!
Простите пламени усердныя души,
За смѣлость ревностну мою не прогнѣвитесь,
Пожалуйте, прошу, на часъ посторонитесь,

И дайте мнѣ упасть къ Всемиловымъ ногамъ.
Не можетъ, думаю, противно быть то вамъ,
Что зрѣніемъ Его хочу я насладиться,
И также, какъ и вы, хочу Ему дивиться.
Хотя не игрывалъ во вѣкъ на лирѣ я,
Хоть вовсе не была у Музъ нога моя,
Но знаю, что свирѣль Киргизская простая,
Въ восторгѣ дерзостномъ Всемила воспѣвая,
Ѳракійскаго пѣвца гласъ сладкій превзойдетъ.
О, Музы! ни въ одной изъ васъ мнѣ нужды нѣтъ;
Усердье лишь свое я въ помощь призываю;
Кастальску воду я изъ сердца почерпаю,
Изъ сердца я къ Тебѣ, Монархъ нашъ, восклицаю,
И тѣмъ однимъ привлечь Твое вниманье чаю,
Что истину одну намѣренъ я гласить;
А истину, слыхалъ, изволишь Ты любить.
Позволь же мнѣ теперь тѣ чувствія излить
Которы всякой тотъ въ душѣ къ Тебѣ питаетъ,
Подвластенъ кто Тебѣ и слѣдственно кто знаетъ,
Что Бога милостей являешь Ты въ себѣ;
Что благость, коей свѣтъ всякъ часъ въ Тебѣ дивится,
Съ единой благостью божественной сравнится.
Еще жъ вотъ что гласитъ вселенна о Тебѣ,
Что Ты умѣешь быть любезенъ на Престолѣ,
Что къ людямъ столько добръ, колико ихъ Ты болѣ.
О! украшеніе Монаршаго вѣнца!
Какъ приковать умѣлъ Ты всѣ къ себѣ сердца!

Тить потерялъ въ годъ день, а Ты ни полминуты.
Когда жъ бываютъ сномъ глаза Твои сомкнуты?
Кто въ праздности Тебя хоть мало видѣть могъ? —
Жилищемъ истина Твой избрала чертогъ. —
Коликое въ Тебѣ я зрю добротъ стеченье!
Въ какое прихожу отъ нихъ я изумленье!
Позволь не много мнѣ отъ рѣчи отступить,
Дай мыслей обуздать мятущихся стремленье
И Хановъ, между тѣмъ, недобрыхъ пожурить.
О, древній Донъ-Кишотъ! опустошитель міра,
Внемли моимъ словамъ, неугомонный Грекъ!
Когда бъ родился ты въ блаженнѣйшій нашъ вѣкъ,
То вѣрь, чтобъ ни одна порядочная лира
Не удостоила и брякнуть въ честь тебѣ;
Но можетъ быть молва на той смѣшной трубѣ,
Котору вздумалъ ей Французъ (*) одинъ прибавить,
Взялась бы о твоихъ разбояхъ протрубить.
Не ужто мнилъ себя ты тѣмъ однимъ прославить,
Чтобы вселенцую въ верхъ дномъ оборотить;
Чтобы отъ ужаса людей дрожать заставить
И все преобращать, что ни попало, въ прахъ?
Злымъ тиграмъ, не Царямъ вселять прилично страхъ.
Желалъ ты, чтобъ тебя чли смертные за бога;
Но къ божеству, познай, не та дорога
И свойство онаго нерушить, созидать;
А кто заставилъ кровь невинныхъ проливать,

(*) Волтеръ.

Того, мнѣ кажется, не только богомъ звать,
Но даже совѣстно именовать великимъ.
  А ты, стращилище и Азіи тиранъ!
Великимъ же, къ стыду, прослывшій Тамерланъ!
Мнѣ кажется тебя звать лучше звѣремъ дикимъ.
Коль можно, такъ на часъ, Татаринъ злой, проснись,
И зря Всемиловы щедроты научись,
Что для снисканія Царя достойной славы,
Негодны ни куда медвѣжьи страшны нравы.
Та слава состоитъ, повѣрь, отнюдь не въ томъ,
Чтобъ гордо разъѣзжать на плѣнникахъ верхомъ,
Или сажать людей, какъ птицъ заморскихъ, въ клѣтку.
Послушайся меня, на свѣтъ ты къ намъ приди
И на блаженную Орду (*), твою сосѣдку,
Глаза кровавые съ раскаяньемъ взведи.
  А вы! что до небесъ воздвигли пирамиды,
На славныхъ берегахъ обильныхъ Нильскихъ водъ,
О пышные Цари! огромные ихъ виды
Вотъ что объ васъ гласятъ: да знаетъ смертныхъ родъ,
Что въ каждой зги́лъ изъ насъ Всемиловъ антиподъ,
Которой почиталъ людей за выочный скотъ,
И думалъ, что Царемъ на то лишь былъ поставленъ,
Чтобъ онъ для одного себя на свѣтѣ жилъ,

(*) Подъ симъ разумѣется народъ Всемиловъ.

Чтобъ бѣдный подданный страстямъ его служилъ,
Чтобъ былъ работою и податьми задавленъ. . . .
Не праздность вашъ удѣлъ, а тысячи заботъ;
Но не почувствуйте отъ словъ моихъ обиды!
Воззрите вы на нашъ блаженнѣйшій народъ,
Всемилу изъ сердецъ онъ строитъ пирамиды;
Вотъ благости Царя и трудолюбья плодъ!
Вамъ должно бъ у него всѣмъ царствовать учиться;
Однако жъ съ вами мнѣ не къ стати здѣсь браниться.
Дозволь теперь къ себѣ, Всемилъ, мнѣ обратиться,
Намѣстникъ въ благости и мудрости Творца!
Возможно ли Тебѣ довольно надивиться?
И льзя ль не вымолвить о томъ еще словца!
Что Ты ни передъ кѣмъ не любишь погордиться,
Хоть много бы къ тому возмогъ найти причинъ?
Въ подлунномъ мірѣ Ты имѣешь первый чинъ,
Да сверхъ того земнымъ полшаромъ обладаешь;
Въ подданствѣ же своемъ Ты и Царей считаешь,
А Царь вѣдь всякой самъ изрядной Господинъ.
Не стыдно, кажется, ему и поклониться;
И такъ, тутъ было бы Тебѣ чѣмъ погордиться,
Когда бы вздумалъ Ты повеличаться тѣмъ.
Царь гордый не любимъ, а Ты, Всемилъ, то знаешь,
Что подданныхъ любовь не льзя сравнить ни съ чѣмъ.
Ты счастіе сіе, о, Нашъ Отецъ! вкушаешь,
Колико подданныхъ, толико чадъ считаешь.
Одно привѣтствіе Монаршихъ устъ Твоихъ
Заслуги важныя съ избыткомъ награждаетъ.

Нльзя ль тому желать еще наградъ какихъ,
Кто отъ Тебя за что спасибо получаетъ?
Толпы счастливыхъ взглядъ единый Твой раждаетъ.
Не прогнѣвись, дозволь мнѣ у Тебя спросить:
Какъ можешь чудеса такія Ты творить?
Бываютъ вѣдь Цари щедротами велики,
Однако жъ какъ-то все не на такую стать.
Скажите искренно, земные мнѣ Владыки!
Кто добродѣтели изъ васъ когда толики
Въ столь время краткое могъ свѣту показать?
Нѣтъ, повѣсть о Царяхъ такихъ мнѣ неизвѣстна.
Скажи же намъ, Всемилъ, гдѣ та страна небесна,
Отколѣ къ намъ Тебя Природа низвела?
Скажи намъ, гдѣ она таланты тѣ взяла,
Которыми Тебя толь щедро надѣлила?
Ты небожителей намъ образъ въ Немъ дала;
Колико мы тебѣ, Природа, благодарны!
Но всѣ ли благи такъ тѣ духи свѣтозарны,
У коихъ ты Его толь смѣло отняла,
Къ блаженству нашему и сладкому покою?
Всемилъ! вмѣстилище неслыханныхъ добротъ,
Рожденный учинить блаженнымъ смертныхъ родъ,
Живи у насъ! да свѣтъ гордится сей Тобою.
Достойно восхвалить Тебя стремился я;
Но видя совершенствъ толико предъ собою . . . .
Померкло зрѣніе, смутилась мысль моя . . . .
Изобразить Тебя я дара не имѣю,
Но только лишь Тебѣ дивиться я умѣю.

И такъ, пустой себя надеждой не маня,
Умолкну лучше я и трудъ оставлю тщетный;
Но ты теперь приди, Мурза, Поэтъ безсмертный,
Приди и кисть изъ рукъ исторгни у меня!

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА I,

ПОСТАВЛЕННАГО ВЪ ЗАЛѢ ТОБОЛЬСКАГО НАРОДНАГО УЧИЛИЩА, ПО СЛУЧАЮ ПУБЛИЧНАГО ЭКЗАМЕНА ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ 1801 ГОДА.

Се безподобныя Екатерины внукъ!
Воспитанникъ Ея, другъ истины наукъ,
Рѣдчайшими души и тѣла красотами
Се первый изъ земныхъ Царей!
Едва пріялъ Онъ скиптръ, какъ овладѣлъ сердцами,
И больше Тита сталъ достоинъ олтарей.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Клитандръ! въ богатствѣ ты по горло утопаешь,
Отъ скупости жъ, почти, не пьешь ты и не ѣшь.
Напрасно же, мой другъ, мотовъ увѣщеваешь,
Чтобъ жили такъ, какъ ты живешь.
Вотъ для чего они тебѣ не подражаютъ:
Что жить по твоему начнутъ они тогда,
Когда
Послѣднюю свою полушку промотаютъ.

II

За что почти весь вѣкъ проводимъ мы въ мученьѣ?
Я дамъ сей часъ отвѣтъ на то:
Адамово тому виной грѣхопаденье;
У чадъ его за то
Блаженство отнято;
Но если спроситъ кто,
За что *Скотонъ* страдаетъ? —
Другой пусть, а не я, вопросъ сей разрѣшаетъ.

III.

Клитъ, сдѣлавшись больнымъ, за лѣкаремъ по-
послалъ;
Тотъ съ сердцемъ отвѣчалъ: вѣдь я не коновалъ!

IV.

Съ утра до вечера гоняя лошадей,
Безъ корма, безъ питья, Альцестъ скотовъ сихъ
мучитъ.
Кто хочетъ ихъ спасти отъ тяжкой муки сей,
Пускай Альцеста тотъ научитъ,
Что есть законъ,
Которой имянно вотъ что повелѣваетъ:
Чего себѣ кто не желаетъ,
Да не творитъ того своимъ и ближнимъ онъ.

V.

Ты хочешь знать, Дамисъ, за что твоя жена
Желаетъ зла тебѣ какъ будто лиходѣю,
Хотя и ничего не дѣлаешь ты съ нею? —
Ужь полно не за то ль и злится такъ она?

VI.

Жена Глупона за носъ водитъ,
И часто въ гнѣвѣ она приходитъ,
Что ухватить рукой не ловко мужнинъ носъ,
За тѣмъ что онъ курносъ.
Простительно ль имѣть такъ мало ей догадки,

И не видать того,
Что у него
По милости ея ловчѣй есть рукоятки?

VII.

Ты жалуешся Клитъ, что Ѳирсъ тебя ругаетъ
И замарать желаетъ:
Ѳирсъ плутъ отъявленной; о чемъ же, Клитъ, тужить?
Всѣ знаютъ, что онъ лгунъ; чего жъ тебѣ бояться?
Притомъ же въ этомъ ты увѣренъ можешь быть,
Что уголь сажею не можетъ замараться.

ⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒⓒ

ГОРДОСТЬ.

Доколѣ, смертный, суетами
Свой гордый будешь духъ питать?
Доколь надменными мечтами
Свой разумъ станешь обольщать?
Доколѣ, бренная былинка,
Одушевленная пылинка,
Кичливо станешь возглашать:
» Я Царь всѣхъ тварей, всей природы,
» Я прочихъ всѣхъ твореній роды
» Ногами созданъ попирать;

☆

» Левъ страшный, что въ степяхъ рыкаетъ,
» Послушнымъ быть мнѣ принужденъ;
» Звѣздъ бездна для меня блистаетъ,
» Свѣтъ солнца для меня возженъ.
» Я разумомъ Творцу подобенъ;
» Одинъ лишь въ мірѣ я способенъ
» Въ предвѣчны тайны проницать.

»Завѣсу мрака раздираю;
»Взносяся къ небесамъ, дерзаю
»Цѣль мірозданья постигать;

☆

»Натуры лоно обнаженно
»Является передо мной.
»Къ моимъ лишь пользамъ сотворенно,
»Что въ свѣтѣ я ни зрю . . .« — Постой!
Постой! что рѣкъ ты, дерзновенный!
Воспомни, червь и прахъ надменный,
Что и на маломъ шарѣ семъ
Едва ты точку занимаешь!
Почто жъ себя ты называешь
Всѣхъ видимыхъ существъ Царемъ?

☆

Тебѣ ли, слабое творенье,
Творцу себя уподоблять?
На свѣтѣ часть твоя — сомнѣнье:
Тебѣ ли Промыслъ постигать?
Рожденъ ты вѣрить, заблуждаться,
Не вѣрить, спорить, пресмыкаться,
И куклою Фортуны быть;
А ты, взносяся, ниспадаешь,
И пылью покровенъ, дерзаешь
Паденіе свое таить!

Какимъ волшебствомъ омраченный,
Не слышишь рабства тяготы?
Оковами обремененный,
Зовешь себя свободнымъ ты!
Тебя одолѣваютъ страсти;
Ты столько не имѣешь власти,
Чтобъ ихъ разсудку покорить.
Коль ты не властвуешь собою,
Природѣ ль быть твоей рабою?
Тебѣ ль Царемъ вселенной быть?

☆

Взгляни на сводъ небесъ пространный,
На тьмы висящихъ въ немъ шаровъ,
На блескъ всѣхъ солнцевъ лучезарныхъ;
Представь безчисленность міровъ,
Которыхъ лучь отъ перва вѣка
Не долетѣлъ до человѣка;
Потомъ къ себѣ ты обратись:
Пространство міра измѣряя
И съ міромъ симъ себя ровняя —
Тогда, коль можешь, ты гордись.

☆

Но гордость общую оставя,
До частной я теперь коснусь;
Къ важнѣйшей цѣли мысль направя,
Къ тѣмъ пышнымъ Крезамъ обращусь,
Которы бѣдныхъ презираютъ

И съ хладнокровіемъ взираютъ
На льющійся ихъ слезный токъ.
Та гордость только заблужденье;
Сія жъ сердецъ ожесточенье,
Изъ ада вышедшій порокъ.

☆

Вельможа, зломъ симъ зараженный,
Рыданью страждущихъ внемли!
Воспомни, смертный ослѣпленный,
Что ты такая жь горсть земли.
Смѣешься ты, а братъ твой стонетъ!
Ты въ роскоши, въ слезахъ онъ тонетъ!
Ты въ счастіи, а онъ въ бѣдахъ!
Но ты словамъ симъ не внимаешь;
Почто жъ главу ты воздымаешь?
Несчастныхъ нѣтъ на небесахъ.

☆

О смертный! выдь изъ заблужденья,
Познай удѣлъ нашъ общій ты:
Родимся мы для облегченья
Взаимныхъ бѣдствій тяготы.
Но, ахъ! ты то ли исполняешь,
Когда тѣхъ грозно отвергаешь,
Покровъ которымъ нуженъ твой?
Иль ты не слышишь ихъ стенанья?

И можно ли безъ состраданья
Несчастныхъ зрѣть передъ собой?

☆

Страшись! наступитъ время грозно;
Спѣши спасать себя отъ бѣдъ;
Раскаяніе будетъ поздно,
Какъ смертная коса сверкнетъ;
Сверкнетъ — и духъ твой вострепещетъ.
Смотри, сколь страшны взоры мещетъ . . —
Кто? — совѣсть, строгій нашъ судья,
Въ сей жизни адъ тебѣ покажетъ,
Злу фурію къ тебѣ привяжетъ,
Вселится въ грудь твою змѣя.

☆

Но коей чудною мечтою
Внезапу сталъ я пораженъ?
Какой невидимой рукою
Я къ пышну храму пренесенъ?
Къ нему дорогу ограждаютъ
Кичливы кедры, что теряютъ
Свои вершины въ облакахъ.
Тщеславье двери отверзаетъ,
И въ храмъ стремительно вбѣгаетъ
Тѣснящійся народъ въ дверяхъ.

☆

Какое дивное видѣнье
Свѣтъ солнечный блистаньемъ тьмитъ

8

И помрачаетъ слабо зрѣнье!
Богиня храма то сидитъ:
На счастье опершись рукою,
Небесъ касаяся главою,
Въ срединѣ пышныхъ олтарей,
Ногами скиптры попираетъ,
И взоръ презрѣнія кидаетъ
На скованну толпу Царей.

☆

Взирая на сіе блистанье,
О смертный! береги себя.
Сіе приманчиво сіянье,
Страшись, да не прельститъ тебя.
Но чтобъ отъ зла тебѣ спастися,
Со мной не медля пренесися
Въ прелестный сей по виду храмъ:
Предметы въ ономъ разбирая,
На мѣсто чаемаго рая,
Ты страшный адъ увидишь тамъ.

☆

Смотри, сквозь блеска ложной славы,
Прискорбенъ сколь Гордыни зракъ!
Она за счастье и забавы
Считаетъ — ихъ одинъ призракъ.
Тоска, унынье, отвращенья,
Меньшія суть ея мученья:

Ей недовѣрчивость, боязнь
Всечасно сердце раздираютъ,
И безпрестанно низвергаютъ
Ее изъ казни въ нову казнь.

Предъ ней, растрепанный и блѣдный,
Потупя взоры, *Страхъ* стоитъ;
Тамъ *Злоба*, ковы строя вредны,
Одними взглядами язвитъ.
Унылое сихъ мѣстъ молчанье
Лишь притѣсняемыхъ рыданье
Дерзаетъ иногда прервать;
Но Гордость онымъ не внимаетъ —
Услыша жъ вопль, повелѣваетъ
Въ темницу бѣдныхъ низвергать.

☆

Тамъ *Зависть* подлая клевещетъ,
Стремяся ближнихъ очернить,
Желѣзо тамъ *Пристрастья* блещетъ,
Грозя невинность поразить.
Коварной хитростью попраны,
Усердье, Истина изгнанны,
Не смѣютъ храмъ дверей отверсть;
Но вольной входъ въ него имѣетъ,
Сплетать хвалы Богинѣ смѣетъ,
Съ челомъ мѣдянымъ нагла *Лесть*.

☆

Какіе горды исполины
Грозятъ главами небесамъ?
И мнится, что изъ нихъ единый
Удобенъ испровергнуть храмъ.
Къ стопамъ ихъ Подлость припадаетъ,
И ихъ колена лобызаетъ;
Но каждой изъ колоссовъ сихъ,
Его коль выше кто явится,
Предъ тѣмъ въ Пигмея претворится,
И спѣсь его исчезнетъ въ мигъ.

✫

Взгляни теперь на исходящихъ
Изъ храма пышнаго сего:
Ты слышишь горько ихъ стенящихъ
Отъ заблужденья своего
Сіянья счастія лишенны,
Отъ всѣхъ оставлены, презрѣнны,
Идутъ въ пустыню жизнь влачить.
Почто жъ къ друзьямъ не прибѣгаютъ?
Увы! друзей они не знаютъ,
Имъ не съ кѣмъ горестей дѣлить.

✫

Отчаянье, власы терзая,
Бія въ окровавленну грудь,
Несчастныхъ сихъ сопровождая,
Имъ терньемъ устилаетъ путь;
Стенанье ими притѣсненныхъ,

Иль помощи въ бѣдахъ лишенныхъ,
Пронзаетъ ихъ преступный слухъ;
Ступая робкими шагами,
Геену видятъ подъ ногами,
И ужасъ ихъ объемлетъ духъ.

☆

О вы, сердца ожесточенны!
Да устрашитъ примѣръ васъ сей!
На толь вы счастьемъ вознесенны
На верхъ достоинствъ и честей,
Чтобъ только для себя лишь жили,
Какъ василиски бъ взглядомъ били
Къ вамъ прибѣгающихъ въ слезахъ?
Вы сильны и велики нынѣ;
Но будь угодно лишь судбинѣ —
Вы завтра жъ низпадете въ прахъ!

☆

Не медли же, о смертный! болѣ,
Храмъ Гордости оставь на вѣкъ,
Хотя бъ ты былъ и на Престолѣ,
Но Царь такой же человѣкъ.
Тогда лишь смертныхъ превышаетъ,
Когда ихъ слезы осушаетъ,
Снисходитъ утѣшать ихъ самъ;
Тогда не саномъ онъ лишь славенъ,
Онъ Титамъ, АЛЕКСАНДРАМЪ равенъ,
Тогда — подобенъ онъ богамъ.

ЛЮБОВНОЙ СИЛЛОГИЗМЪ.

Посылка первая.

Всякъ тотъ, кто страстію любовною пылаетъ,
Съ предметомъ опыя всечасно быть желаетъ,
О немъ и мыслитъ онъ, о немъ и говоритъ,
И только лишь его во всей вселенной зритъ.

Посылка вторая.

Я мыслю о тебѣ, Климена, безпрестанно;
Когда со мною ты, я счастливъ несказанно;
Въ отсутствіи жъ твоемъ всѣ муки я терплю:

Заключеніе.

Такъ слѣдственно: тебя, Климена, я люблю.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Не стыдно ли тебѣ, Дамонъ, быковъ бояться?
Простительно лишь тѣмъ роговъ ихъ опасаться,
Кто не имѣетъ, чѣмъ отъ нихъ обороняться.

II.

Ты спрашиваешь, какъ отъ Клита отвязаться,
Чтобъ ввѣкъ съ нимъ больше не видаться?
Я научу тебя тому;
Не нужно для сего браниться съ нимъ, ни драться
Дай рубль въ займы ему.

III.

Въ собраніе пришелъ смотрѣть людей Клеонъ:
Посторонись же другъ Дамонъ!

IV.

Ты знаешь все, мой другъ, но кромѣ одного,
А имянно, что ты не знаешь ничего.

V.

Что водку тянетъ Титъ, то клевета одна:
Онъ ничего не пьетъ, окромѣ лишь вина.

VI.

Гей, сторожъ братъ! скажи чтобъ здѣсь потише были!
Кричалъ въ Присудствіи судья.
Мы десять дѣлъ уже рѣшили,
Но не слыхалъ изъ нихъ еще ни слова я.

ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА.

Кларисѣ нѣкогда приказывала мать,
Чтобъ отъ любви она старалась убѣгать,
Такъ говоря: любовь змѣи гораздо злѣе,
Медвѣдей, тигровъ, львовъ лютѣе!
Страшись же, дочь моя, попасть
Тиранкѣ этой въ власть.
Клариса за совѣтъ такой благодарила
И вотъ что говорила:
Любезна матушка моя!
Повѣрь, что не боюсь любви ни мало я,
И нѣтъ къ опасности отъ ней мнѣ даже виду;
Но если и придетъ ко мнѣ сія змѣя,
Такъ мой Любимъ не дастъ никакъ меня въ обиду.

ЭПИТАФІИ.

I.

Прожоръ.

Трудолюбиваго сей камень скрылъ *Глотилу*:
Зубами самъ себѣ изрылъ сей мужъ могилу.

II.

Худаго больше, чѣмъ добра, творилъ Клеонъ:
Весь свѣтъ почти таковъ, и это что за чудо?
Но вотъ вещь рѣдкая, что вѣчно дѣлалъ онъ
Худое хорошо, хорошее же худо.

III.

Покойникъ почиталъ во весь свой вѣкъ закономъ,
Чтобъ жить не для другихъ, но для себя всегда.
Брегися подражать ему, прохожій въ онòмъ!
Здѣсь тотъ лежитъ, кто бъ жить не долженъ никогда.

НОВЫЙ ГРѢХЪ.

Пришелъ къ попу мужикъ покаяться въ грѣхахъ;
Но вдругъ оторопѣвъ, не могъ промолвить слова.
Не знаю; отъ чего пришелъ онъ въ этотъ страхъ,
Что изъ молчанія упорнаго такова,
Попъ бившись цѣлой часъ, не могъ его извлечь;
Но чтожъ? вѣдь для него не спать же въ церквѣ лечь,
И не до завтра дожидаться.
Попъ вотъ какъ отъ него сталъ толку добиваться:
Онъ началъ исчислять грѣхи чтобъ попытаться,
Авось либъ въ томъ числѣ и на его вспадетъ,
И началъ такъ: скажи мнѣ, свѣтъ,
Не лжесвидѣтель ли, не хищникъ ли ты? — Нѣтъ.
Не еретикъ ли? — Нѣтъ. — Такъ знать ты чуже-ложникъ?
Нѣтъ! — Ну такъ атеистъ? — Нѣтъ. — Чтожъ ты? — Я пирожникъ.

МАДРИГАЛЪ ДР. И. БХТН.

Прелеста! я сказалъ, что ты не хороша;
Что одѣваться ты со вкусомъ не умѣешь;
Сказалъ, что ты ума ни капли не имѣешь;
Что сверхъ того еще дурна твоя душа;
Сказалъ – а для чего? — Я не запрусь и въ этомъ:
Хотѣлъ, для рѣдкости, поспорить съ цѣлымъ свѣ-
томъ.

ЭПИГРАММЫ.

Вруль хочетъ о такихъ вещахъ издать творенье,
Надъ коими бъ никто потѣть не вздумалъ ввѣкъ.
О бѣдный человѣкъ!
На что онъ мучитъ такъ свое воображенье,
И трудной чтитъ ту вещь? Она не такова:
Пусть пишетъ онъ себѣ похвальныя слова.

II.

Какъ Злобинъ каменной болѣзнью захворалъ,
Причины оному никто не понималъ;
Мнѣ жъ показалося не чудно то ни мало:
Знать сердце Злобина въ пузырь къ нему низпало.

III.

Увидя Спеськина, со мной весь скажетъ свѣтъ,
Что оплеушины лице его зоветъ.

IV.

Злонрава мнѣ кричитъ: всѣ, всѣ мы таковы!
— Увы!

V.

Вреднякъ злословитъ всѣхъ, клевещетъ и ругаетъ,
Лишь Бога одного въ покоѣ оставляетъ,
И то лишь для того, что Бога онъ не знаетъ.

VI.

На Клита вѣрно бъ я сатиру сочинилъ,
Когда бы стоилъ онъ бумаги и чернилъ.

VII.

Скончался Чужехватъ. — Не ужто? — Въ самомъ дѣлѣ.
— Да гдѣ же умеръ онъ? — Онъ умеръ на постелѣ.
— Ну кто бъ подумать могъ, чтобъ этотъ человѣкъ
Горизонтально кончилъ вѣкъ?

ОДА

ВЪ ГРОМКО - НѢЖНО - НЕЛѢПО - НОВОМЪ ВКУСѢ (*).

»Croyez moi, resistez à vos tentations,
»Dérobez au public vos occupations,
»Et n'allez point quitter, de quoi que l'on vous somme,
»Le nom, que dans la cour vous avez d'honnete homme,
»Pour prendre de la main d'un avide imprimeur
»Celui de ridicule et misérable auteur.«

Misantr: act 1. *sc.* 2.

(*) Къ сочиненію сего вздора подали мнѣ мысль нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ стиходѣевъ изъ коихъ одни желаютъ подражать Горацію нашему Г. Д . . . . ну, а другіе К . . . . ну и Д . . . . . ву; но какъ, вмѣсто вкуса и таланта, имѣютъ они только непреодолимую охоту марать бумагу, то и пишутъ точно такую чепуху, какую читатель найдетъ въ сей одѣ, если будетъ имѣть терпѣніе ее прочитать.

Сафиро-храбро-мудро-ногій,
Лазурно-бурный конь, Пегасъ!
Съ Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мнѣ на часъ.
Иль давъ въ Кавказъ толчокъ ногами,
И вихро-бурными крылами
Разсѣкши воздухъ, прилети.
Хвостомъ сребро-злато-махровымъ,
Иль радужно-гнѣдо-багровымъ,
Слѣды пурпурны замети.

☆

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходитъ изъ за горъ заря;
Изъ кубка пламенно-янтарна
Брусничный морсъ льетъ на моря.
Смарагдо-бисерно свѣтило,
Поднявъ огнемъ дышаще рыло,
Изъ сольно-горько-синихъ водъ,
Усо-подобными лучами
Златитъ, какъ будто бы руками,
На полиментъ небесный сводъ.

☆

Сквозь бѣло-черно-пестро-красныхъ
Булано-мрачныхъ облаковъ,
Луна, стыдясь гостей столь ясныхъ,
Не кажетъ имъ своихъ роговъ;

И мертво-бѣло-снѣжнымъ цвѣтомъ
Покрывшись передъ солнца свѣтомъ,
На небѣ мѣста не найдетъ.
Вѣтръ Юго-Западно-Восточный
Иль сѣверо-студено-мочный,
Ерошитъ гладкій водъ хребетъ.

☆

Октябро-непогодно бурна,
Дико-густѣйша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Збродо-порывна глухота,
Мерцаетъ въ скорбно-желтомъ слухѣ,
Рисуетъ въ томно-аломъ духѣ
2 Въ уныло-мутно-кротки воды
1 Туманно-свѣтлый небосклонъ.
Глядятся черны хороводы
Пунцово-розовыхъ воронъ.

☆

Но вдругъ картина премѣнилась;
Услышалъ стонъ я голубка,
У Клары слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глазка;
Катилась по лицу, катилась,
На щечкѣ въ ямкѣ поселилась,
Какъбудто въ лужицѣ вода.
Не такъ-то были прежни вѣки
На слезы скупы человѣки;
Но люди были ли тогда?

☆

Коль дѣвушкѣ тогда случалось
Въ разлукѣ съ милымъ другомъ быть,
То должно, дурѣ ей казалось,
О томъ рѣками слезы лить.
Но въ наши вѣки просвѣщенны
Какъ могутъ люди огорченны
Такъ слезы проливать рѣкой?
Вѣдь нынѣ слезы дорогія,
Сравнятся ль древнія простыя
Съ *аллмазной* нынѣшней слезой?

☆

Теперь посмотримъ мы, какъ вьется
Голубушка надъ голубкомъ;
А сердце бьется, жмется, рвется
И въ грудь стучитъ какъ молоткомъ.
Голубчикъ выпустилъ знать душку,
Нѣтъ жизни въ немъ ни на полушку,
Ужъ носикъ съёжился его.
Овсянки, ласточки, синички,
Варакушки и прочи птички
Роняютъ слезки на него.

☆

Отъ этой жалостной картины,
Читатель, если ты не взвылъ;
А отъ начальной пиндарщины
Въ восторгъ когда не приходилъ,
То сердца твоего *тонъ* низокъ,

Умомъ ты къ Готтентотамъ близокъ,
И такъ какъ лютый тигръ жестокъ.
Ты бъ долженъ на стѣну бросаться,
Или въ лоскутья истерзаться
Отъ сихъ громко-прискорбныхъ строкъ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Скажите, отъ чего, какъ скоро ночь наступитъ,
Клитандръ начнетъ грустить и брови онъ насупитъ?
Неужто въ правду ночь виною лишь тому?
— Нѣтъ, вотъ что: днемъ свѣчи не надо жечь ему.

II.

Какое сходство Клитъ съ календаремъ имѣетъ?
— Онъ лжетъ, и не краснѣетъ.

III.

Однажды Скрягинъ видѣлъ сонъ,
Что будто пиршество давалъ большое онъ.
Отъ этаго онъ сна столь сильно испугался,
Что могъ насилу встать,
И страшной клятвой обязался,
Впередъ совсѣмъ не спать.

IV.

Отъ чаю, говорятъ, понятіе острится:
Кто много пьетъ его, умнѣй тотъ становится.
Сіе простительно тому лишь утверждать,
Сафона нашего кто не изволитъ знать.

V.

Мы зла единаго вовѣкъ не забываемъ;
Неблагодарности слѣды мы зримъ вездѣ:
Обиды на мѣди рѣзцомъ изображаемъ,
Благотворенія жъ мы пишемъ на водѣ.

VI.

Про Ѳирса Титъ сказалъ,
Что нѣтъ его умнѣе.
Не ужто онъ не зналъ,
Что въ свѣтѣ ни чего нѣтъ клеветы грѣшнѣе?

VII.

За что не терпитъ Клитъ Дамона какъ врага?
Что сдѣлалъ онъ ему? — Рога.
А га!

VIII.

Что Клавъ меня лѣчилъ, слухъ этотъ, другъ мой
лживъ:
Когда бъ то было такъ, то какъ же бъ я былъ живъ?

IX.

Дѣвица, кою сбытьскорѣе съ рукъ желаютъ
И тщатся для сего богатѣй нарядить,
Сходна съ пилюлею, котору позлащаютъ,
Дабы скорѣй ее заставить проглотить.

X.

Уже ли Сильвія сдалася Коридону?
Уже ль желаніе его совершено?
Уже ли болѣе онъ не пускаетъ стону? —
— Злословіе запрещено.

XI.

Іовъ, сей праведный и твердый человѣкъ,
Колико горестей и бѣдъ вкусилъ въ свой вѣкъ!
Нечистый духъ творилъ надъ нимъ различны штуки;
А отъ жены сносилъ досады, брань, докуки:
Скажите жъ, отъ кого терпѣлъ онъ больше муки,
Отъ сатаны,
Иль отъ жены?

XII.

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Чудно ль, что любитъ козловъ твой супругъ?
Свой своему по неволѣ вѣдь другъ.

XIII.

Однажды барыня спросила Астролога:
Пожалуй, дѣдушка, скажи мнѣ ради Бога,
Имѣть я буду ли дѣтей?
А тотъ поворояживъ, отвѣтъ такой далъ ей,
Что будутъ у нее ихъ трое.
Тутъ мужъ, услышавши рѣшеніе такое,
Спросилъ, ху́дова быть въ вопросѣ томъ не мня:
А сколько будетъ у меня?

ТРІОЛЕТЪ.

Іюля первое число
Я днемъ блаженнѣйшимъ считаю:
Меня на небо вознесло
Іюля первое число;
Съ тѣхъ поръ я Хлою обожаю,
И знавъ, что тѣмъ ей угождаю,
Іюля первое число
Я днемъ блаженнѣйшимъ считаю.

ЭПИТИМІЯ.

Клитъ, исповѣдавшись, назадъ вдругъ возвратился,
Отцу духовному съ усмѣшкой поклонился,
И видно, что надъ нимъ желая пошутить,
Сталъ за грѣхи свои эпитимьи просить;
Но попъ ему на то: Ты о пустомъ хлопочешь,
Коль на духу ты мнѣ, дружокъ мой, не солгалъ,
Что ты жениться скоро хочешь.

©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©©

ПЛАЧЬ И СМѢХЪ.

Когда жестокой *сплинъ* (*) мнѣ почью спать претитъ,
То вставши поутру съ тяжелой головою,
Бывало я всегда печаленъ и сердитъ,
Бранюсь съ своей судьбою;
Всѣ бѣдствія людей я вижу предъ собою.
Мнѣ мнится, слышу смертныхъ стонъ:
Зло лѣзетъ мнѣ въ глаза тогда со всѣхъ сторонъ.
Явятся предо мной огнемъ дышащи горы,
Страданья, смерть, чума —
И словомъ, я тогда куда ни взвелъ бы взоры,
Несчастій и злодѣйствъ мнѣ всюду зрится тьма.
Потомъ изыскиваю средства,
Не льзяль чѣмъ облегчить несносны смертныхъ бѣдства!
Но видя, что ни какъ не льзя помочь тому,
И что напрасно я на то лишь время трачу,
Нахмурюсь и — заплачу.

(*) Spleen — извѣстный припадокъ Англичанъ, но которому часто подвергаются и другіе люди съ чувствомъ.

Когда же съ умными людьми я гдѣ сижу,
Иль книгу новую читаю и лежу,
При томъ здоровъ бываю;
Тогда всѣ горести свои позабываю,
И ни о чемъ я не тужу.
Тогда и то себѣ на память привожу,
Что отъ другой моей Климены
Не зрѣлъ и, кажется, не буду зрѣть измѣны,
И что несчастливой судьбы моей премѣны
Авось-либо когда нибудь я и дождусь. —
Авосьлибо велико дѣло!
Я безъ него давно оставилъ бы сей свѣтъ;
Несчастный только имъ однимъ лишь и живетъ,
Скажу я это смѣло.
Хоть симъ *авосьлибомъ* я тщетно, скажутъ, льщуся;
Но отъ него всегда я вмигъ развеселюсь
И — засмѣюсь.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Вѣсы Ѳемидины у Клита что кривятся,
Напрасно этому дивятся.
Едва ли глупымъ дикарямъ
Незнанія такія вмѣстны;
А просвѣщеннымъ людямъ, намъ,
Законы тяжести уже давно извѣстны.

II.

Въ стаканѣ Альциндоръ свой образъ зря на днѣ,
Любовію къ нему такъ какъ Нарциссъ сгараетъ;
Однако же умнѣй его онъ поступаетъ:
Вопервыхъ, не въ водѣ онъ смотрится, въ винѣ;
А вовторыхъ, своей любви тѣмъ угождаетъ,
Что милый образъ свой въ день по сту разъ глотаетъ.

III.

Страшишся ты въ сей день, о бѣдная Эглея!
Что Гименъ, будучи Эрота посильнѣе,
Отниметъ у тебя сокровища твои.
Напрасно жъ презрѣла совѣты ты мои;
А я бъ умѣлъ такъ постараться,
Чтобъ было не чего теперь тебѣ бояться.

IV.

Силенъ, напившись пьянъ и возвратясь домой,
Вдругъ видитъ двѣ жены . . . кричитъ онъ: Боже мой!
За что меня такъ наказуешь?
Я муку адскую терплю и отъ одной,
А ты другую мнѣ даруешь!

V.

Поутру съ фонаремъ по улицамъ Титъ рыщетъ:
Ужли, какъ Діогенъ, онъ человѣка ищетъ?
— Нѣтъ; онъ поступокъ сей вмѣнилъ себѣ бы въ стыдъ;
Онъ ни за что людей такъ колко не обидитъ. —
— На что жъ ему фонарь? — Титъ всякой разъ предвидитъ,
Что до полуночи въ шинкѣ онъ просидитъ.

VI.

Что не видалъословъ, нашъ Клитъ весьма жалѣетъ;
Не ужто бороду безъ зеркала онъ брѣетъ?

VII.

Искусенъ въ правилахъ Врачебныя науки,
И столь въ ней силенъ Эскулапъ,
Что попадался кто ему однажды въ руки,
Всю силу испыталъ такихъ медвѣжьихъ лапъ.

VIII.

Скотомъ рогатымъ Клитъ, я слышу, торгъ ведетъ
Вотъ такъ-то нынѣ всякъ другъ друга продаетъ!

IX.

Безъ мѣста чемъ мнѣ жить? такъ жалуется Момъ.
— Не ужто тѣсенъ такъ смирительной нашъ домъ?

X.

Какъ схожъ портретъ Климены!
Его не узнаютъ однѣ лишь только стѣны;
Несходство жъ только въ томъ, что онъ всегда молчитъ,
Но подлинникъ за двухъ довольно говоритъ.

XI.

Казалось мнѣ, какъ *Бѣдиъ* съ *Неимого* вѣнчался,
Что голодъ съ жаждой сопрягался.

XII.

Портретъ сей безподобенъ!
Со мною скажетъ то весь свѣтъ;
Души въ немъ только нѣтъ;
Но тѣмъ-то болѣе онъ съ подлинникомъ сходенъ.

Къ человѣку.

Игрушка счастья и судьбины,
Съ дурнымъ посредственнаго смѣсь,
Кусокъ одушевленной глины,
Оставь свою смѣшную спѣсь!
Почто владыкой ты себя Природы ставишь?
Сегодня гордою пятой
Ты землю презирая давишь,
Но завтра будешь самъ давимъ землею той.

КЪ РОЗѢ.

О роза нѣжная! почто не льзя съ тобой
Мѣняться мнѣ судьбой?
У Клои на груди ты блекнешь, увядаешь;
А я бы ожилъ тамъ, гдѣ смерть ты обрѣтаешь!

БЫЛЬ.

Не могши одолѣть чрезмѣрнаго азарту,
Клитандръ поставилъ все имѣніе на карту,
И съ оника ее убили у него;
Однако жь отъ сего
Онъ даже и въ лицѣ почти не измѣнился.
Спокойствію сему весь кругъ его дивился;
Но онъ сказалъ: друзья!
Не въ проигрышѣ я:
Сего дня умерла — жена моя.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Когда смѣются надъ тобой,
Ты говоришь, пріятель мой,
Что самъ надъ тѣми ты смѣешься.
Ахъ! какъ мнѣ жаль тебя! ты вѣрно надорвешься.

II.

Охотникъ Клитъ стихи чужіе поправлять
И также прозу;
Но право чѣмъ сіе онъ можетъ оправдать?
Онъ колдуномъ себя желаетъ показать,
Въ крапиву превращая розу.

III.

Клавъ, борзый нашъ Поэтъ,
Одною славою питается шесть лѣтъ:
Такъ мудрено ли же, что худъ онъ, какъ скелетъ?

IV.

Въ природѣ смерти нѣтъ! такъ Гердеръ говоритъ;
Но мнѣнія сего онъ вѣрно бъ не держался,
Когда съ Глупономъ бы спознался,
Которой, хоть кого, въ минуту уморитъ.

V.

Клитъ голову ушибъ такъ больно нынѣ лѣтомъ,
Что съ мѣсяцъ у него въ глазахъ была все тьма;
Однако жъ отъ сего онъ не сошелъ съ ума,
А только сдѣлался — Поэтомъ

VI.

Битобе славную поэму сочинилъ (*)
И всѣхъ читателей онъ ею прослезилъ;
А ты, Глупоновъ, намъ въ пять пудъ поэму сбрякалъ,
Но отъ твоей одинъ лишь только Цензоръ плакалъ,

VII.

Клеонъ предоброй человѣкъ:
Не дѣлалъ никому онъ зла во весь свой вѣкъ:
Онъ даже и во снѣ добромъ лишь только бредилъ,
И такъ, не зная за собой грѣховъ,
По смерти вѣрно бы онъ рай себѣ наслѣдилъ,
Когда бы не писалъ стиховъ.

(*) Іосифъ въ 9 пѣсняхъ.

VIII.

Клавъ разругалъ меня за то, что былъ я боленъ;
Но бранью не былъ бы одною онъ доволенъ,
И мнѣ бъ не миновать иль розговъ иль дубья,
Когда бы умеръ я.

IX.

Неужто Господа,
Васъ это удивляетъ,
Что буквою большой всегда
Клитъ слово *лошадь* начинаетъ?
А мнѣ то кажется отнюдь не мудрено:
Извѣстно, что давно
Чинъ чина почитаетъ.

X.

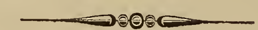
Какъ не былъ Клитъ еще женатъ,
Невѣдомо бъ какой я сталъ держать закладъ
И всѣми бъ клясться радъ богами,
Что нѣтъ ословъ съ рогами.

XI.

Дивишься ты, что Ѳирсъ такъ страстенъ къ лошадямъ,
Что кормитъ ихъ, поитъ и даже чиститъ самъ,
Не довѣряя конюхамъ,
И для животныхъ сихъ здоровье часто губитъ:
Чему жъ дивиться ты, коль и тебя онъ любитъ?

XII.

Клитъ, ѣхавши въ театръ,
Такъ кучеру кричалъ: потише Сосипатръ!
Вѣдь насъ съ тобой въ тюрьму посадятъ, либо въ яму,
Коль по несчастію кого задавишь ты.
А тотъ ему въ отвѣтъ: не бойтесь тѣсноты,
Сегодня, кажется, играютъ — вашу драму.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ РАСКАЯНІЕ.

Карпъ каялся попу, что билъ свою жену.
А часто ли, мой сынъ, спросилъ его Священникъ? —
Не рѣдко: всякой день. — Какъ всякой день, мошенникъ!
За это я тебя на вѣки прокляну.
Помилуй, батюшка; я всѣмъ тебѣ клянуся,
Что если эту мнѣ отпустишь ты вину,
Съ женой въ послѣдній разъ я завтра подеруся.

ИСПРАВЛЕННЫЙ СКУПЕЦЪ.

Случилось Скрягину на проповѣди быть.
Подѣйствовала въ немъ святая бластыня;
Кричитъ нашъ Скрягинъ: какъ изящна милостыня!
И я съ сего часа пойду ее — просить.

ДВА ЛОГОГРИФА.

I.

Я съ головой (1) мертва, но пользу приношу:
И людямъ и скотамъ я пищу доставляю.
Отрѣжь мнѣ голову, жива я, но дышу
Лишь злобою одной, и больно уязвляю.
Теперь, читатели, отгадывать прошу:
Я, можетъ быть, сей часъ предъ вашими очами,
Или у васъ же за плечами (2).

II.

Я съ головою всѣхъ прельщаю;
Когда жъ безъ головы, то грѣшниковъ стращаю (3).

---

(1) Голова въ Логогрифѣ значитъ начальную букву того слова о которомъ загадывается.

(2) Слово Логогрифа есть: коса.

(3) Слово сего Логогрифа есть: садъ.

ЭПИТАФІЯ.

Самонка мѣльникъ здѣсь зарытъ,
Которой вѣтромъ лишь во весь свой вѣкъ былъ сытъ;
Но мало ли людей такую жъ пищу ѣли,
Хотя и мѣльницъ не имѣли?

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ.

ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?

Пріемы ихъ довольно грубы:
Они стараются чужіе зубы
Какъ можно чаще вырывать,
Чтобы своимъ зубамъ доставить, что жевать.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,
Клеонъ спѣшитъ свои творенья въ свѣтъ издать;
Что жъ противъ этаго сказать?
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ сбирать;
Пріятно съ милою семьею обитать;
Но, по несчастію*, въ семьѣ не безъ урода.*

II.

Тафты, атласы и перкали,
Алмазы, жемчуги и Кашемирски шали,
Линоны, кружева, батисты, тарлатанъ,
Да фунтовъ нѣсколько притомъ бѣлилъ, румянъ,
Въ каретѣ Англійской двухтысячной катаютъ,
И модной дамою сей свертокъ величаютъ.

III.

Оргонъ злымъ демономъ Клариссу называетъ;
Но въ правду ли, друзья, не любитъ онъ ее?
Скажите мнѣ, когда бываетъ,
Чтобъ ненавидѣлъ кто подобіе свое?

IV.

Комедіей своей Клеонъ
Всѣхъ насъ заставилъ горько плакать?
За это гнѣвается онъ:
Шумитъ, ворчитъ; но что пустое, братъ, калякать,
Не лучше ль насъ простить;
Мы предъ тобой въ винѣ смиренно признаемся.
Теперь трагедію ты долженъ сочинить,
И вѣрь, что мы въ твою угодность посмѣемся.

V.

Карпъ жизнь сидячую и праздную ведетъ,
И пользы ни себѣ, ни людямъ не приноситъ.
Онъ дѣла по себѣ, бѣдняжка не найдетъ,
И у друзей своихъ о томъ совѣтовъ проситъ.
Совѣтомъ услужить ему я очень радъ:
Пускай сошьетъ себѣ изъ перьевъ онъ халатъ,
И пусть возметъ подрядъ
Высиживать цыплятъ.

VI

Злослова, говорятъ, совсѣмъ перемѣнилась:
Видалъ ли прежде кто, чтобы она бѣлилась?
А нынѣ безъ сего не можетъ дня пробыть.
Мнѣ кажется, теперь за умъ она хватилась;
Не лучше ль, во сто разъ, себѣ лицо бѣлить,
Чѣмъ славу добрую другихъ людей чернить?

VII.

Почто, несмысленная Никса,
Въ болѣзни ввѣрила себя ты двумъ врачамъ!
Подобно удалымъ и сильнымъ двумъ гребцамъ:
На веслахъ мчатъ тебя они ко брегу Стикса.

VIII.

Какъ нашъ почтенный врачъ въ деревнѣ былъ пять
дней,
То объ отлучкѣ сей
Вся публика тотчасъ узнала;
Хотя въ вѣдомостяхъ объ оной не читала.
Скажите жъ, почему?
А потому,
Что въ городѣ при немъ мрутъ люди, какъ въ
чуму.

IX.

Дамисъ всѣмъ хвастаетъ, что изыскалъ онъ сред-
ство
Такъ Ѳирсу угодить, что сей ему въ наслѣдство
Пять тысячь отказалъ,
Хоть болѣе его онъ разу не видалъ;
Но вѣрно бъ Ѳирсъ дѣтей своихъ такъ не обидѣлъ,
Когда бы разъ еще Дамиса онъ увидѣлъ.

X.

Клавъ ссорится съ женой, однако жъ онъ не правъ,
И все лишь о пустомъ хлопочетъ.
О чемъ бы вздорить имъ, одинъ имѣя правъ?
Онъ хочетъ быть большимъ, она того же хочетъ.

XI.

Ахъ! батюшка, ахъ, ахъ!
Какой я видѣлъ страхъ!
Клитъ по уши въ долгахъ,
А сверхъ ушей — въ рогахъ.
Ахъ! батюшка, ахъ, ахъ!

БЛАЖЕНСТВА.

Блаженъ, кому всегда печаль и скука чужды;
Блаженъ, кто не имѣлъ въ родныхъ ни разу нужды;
Блаженъ, кто не роапталъ во вѣки на судьбу;
Блаженъ, ровняющій съ Расиномъ К....
Сто кратъ блаженна та судебная Палата,
Котора трезвыми подъячими богата;
Блаженъ, кто не имѣлъ однакожъ съ ними дѣлъ.
Блаженъ, кто отъ стиховъ своихъ разбогатѣлъ;
Блаженъ кто вѣрную любовницу имѣетъ;
Блаженъ, кто Кантовы писанья разумѣетъ;
Блаженъ ревнивой мужъ, прожившій безъ роговъ;
Блаженъ, кто, дослужась до старшихъ Генераловъ,
Ни разу не видалъ ни пушекъ, ни враговъ;
Блаженъ, кто не бывалъ издателемъ Журналовъ;
Но тотъ блаженнѣе едва ль не всѣхъ Святыхъ,
Кто не читалъ Поэмъ и Драмъ, Клеонъ, твоихъ!

ЭПИГРАММЫ.

I.

Злоправа наконецъ разсталась съ бѣлымъ свѣтомъ,
Лиха была . . . . Грѣшно намъ говорить объ этомъ.
Пусть наслаждается спокойствіемъ она.
Какъ! развѣ вмѣстѣ съ ней скончался — Сатана?

II.

Вчера играли Магомета:
Прекрасная піеса эта
Лишь тронуть не могла Валера одного
Спросилъ я у него
Сего безчувствія причину.
»Вини, сказалъ онъ мнѣ, ты въ томъ мою судбину;
»Печальный видъ принять я очень бы хотѣлъ,
»Но сдѣлать этого, признаться не умѣлъ
»Мой другъ! я только лишь сего дня — овдовѣлъ

III.

Безъ яда всякаго кто хочетъ быть отравленъ,
Зарѣзанъ безъ ножа, безъ петли быть удавленъ
Утопленъ безъ воды, застрѣленъ безъ ружья,
Убитъ безъ помощи обуха, иль дубья,
Засѣченъ безъ кнутовъ, плетей и батожья.
Кто хочетъ осушить до капли чашу скуки
Кто хочетъ испытать всѣ казни, смерти, муки.

IV.

Эрастъ совсѣмъ нашъ умираетъ;
И что жъ за лѣкаремъ бѣднякъ не посылаетъ?
Не хочетъ сдѣлать онъ сего,
И вотъ лишь что твердитъ:
Умру и безъ него.

V.

Леандръ нашъ стиходѣй на Пиндара походитъ.
Не слога красотой,
Не мыслей высотой,
Но особливостью лишь той,
Что также какъ и тотъ не вверхъ ногами ходитъ,

VI.

Ламанъ вчера женясь, клялся жену любить,
И ей не временно, а вѣчно вѣрнымъ быть,
Онъ клятву данную исполнитъ въ самомъ дѣлѣ,
Коль вѣчность кончится на будущей недѣлѣ.

ЧУДЕСА.

Видалъ я на своемъ вѣку чудесъ не мало,
И мнѣ великое желаніе припало
Читателямъ объ нихъ здѣсь вкратцѣ разсказать.
За это многіе дадутъ себя мнѣ знать!...
Но такъ и быть! пущусь. Извольте же послушать:
Во первыхъ видѣлъ я такихъ богатырей,
Которы годовой доходъ пяти семей
Изволили въ троемъ за ужиномъ прокушать.
Видалъ такихъ я лѣкарей,
Которые не всѣхъ больныхъ своихъ морили.
Видалъ такихъ господъ, которые кормили
Подвластныхъ имъ людей
Не хуже лошадей,
И ихъ не походя бранили, или били.
Видалъ подъячаго, которой трезвъ былъ такъ,
Что въ сутки хаживалъ лишь два раза въ кабакъ.
Я видѣлъ старую дѣвицу,
Которая себѣ не убавляла лѣтъ!
Клеонъ, покойной мой сосѣдъ,

Имѣлъ хоть много книгъ, читалъ и былъ ужъ сѣдъ,
Но Африку считалъ за птицу;
Однакожъ, такъ какъ сей многопочтенный мужъ
Имѣлъ шесть тысячь душъ,
То съ Лейбницемъ его въ учености равняли.
Хоть дуренъ былъ онъ такъ собой, какъ смертной грѣхъ,
Но всѣ его въ глаза съ божбою увѣряли,
Что за поясъ заткнетъ онъ Херувимовъ всѣхъ.
Индѣйскихъ пѣтуховъ боялся онъ и раковъ;
Но утверждали всѣ, что этотъ господинъ
Легко бы могъ одинъ
Взять въ пять минутъ Очаковъ,
И рать Турецкую побить всю кулакомъ;
А если бы его кто назвалъ дуракомъ,
Важнѣе всякаго то было бъ святотатства!...
Какъ послѣ этаго не пожелать богатства!...
Но мало ли еще какихъ видалъ я штукъ!
Видалъ я Русскихъ дамъ охотницъ до наукъ;
Видалъ, что съ кошкою дружна была собака;
Видалъ я женъ такихъ,
Которыя мужей своихъ
Любили съ мѣсяцъ послѣ брака!
Видалъ, что сельской попъ на свадьбѣ былъ не пьянъ.
Видалъ богатыхъ я и молодыхъ дворянъ,
Которые всегда въ большомъ хоть свѣтѣ жили,
Однако жъ иногда по Русски говорили.
Они жъ по нѣскольку недѣль

Верстъ за пять отъ Москвы живали
И тамъ, о чудеса! съ тоски не умирали.
Видалъ я чудаковъ, которые ѣзжали
За тридевять земель
Смотрѣть, какъ солнышко *заморское* садится,
Иль слушать, какъ шумитъ *заморской* вѣтерокъ,
Иль любоваться, какъ *заморской* ручеекъ
По камнямъ и песку *заморскимъ* же струится.
Какъ будто на Руси не стало ручейковъ?
Иль будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ,
И солнце Русское садиться не умѣетъ!...
Такихъ несчастныхъ я Писателей видалъ,
Которымъ ни какихъ похвалъ
Въ газетахъ даже не сплетали!
Видалъ Россійскихъ я ученыхъ бѣдняковъ,
Которы площади топтали!
Въ учители жъ не ихъ Бояре къ дѣткамъ брали,
А иностранныхъ кучеровъ. —
Но этого знать мнѣ не видывать во вѣки,
Чтобъ въ Волгѣ не было бѣлугъ и стерледей;
Чтобы злословить Ѳирсъ не сталъ честныхъ людей;
Чтобъ перестали грызть другъ друга человѣки;
Чтобы Цыгане красть не стали лошадей;
Чтобы жеманиться Климена перестала;
Чтобы Москва рѣка черезъ Иркутскъ течь стала;
Пугать не стали чтобъ боярами ребятъ;
Чтобы въ Гренландію переселились Музы;
Чтобы премудрые Французы

Узнали наконецъ, чего они хотятъ?
О Богословіи чтобъ споры прекратились

. . . .

Чтобъ денегъ кто въ займы мнѣ безъ процентовъ далъ,
Или, чтобъ наконецъ когда богатъ я сталъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКАЗКИ.

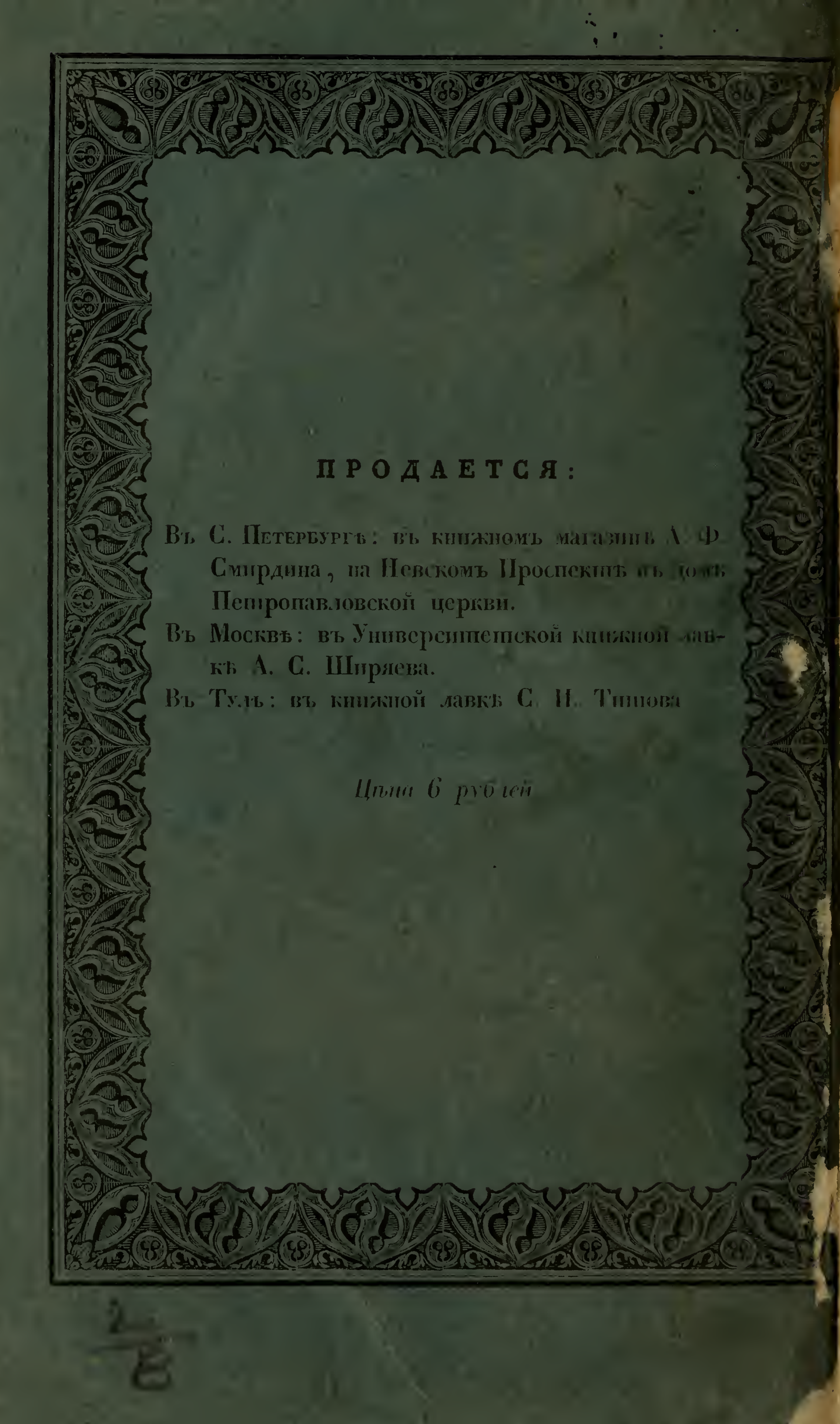
БАСНИ.

ПОЭМА.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

страи.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ Петропавловской церкви.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева.

Въ Тулѣ: въ книжной лавкѣ С. И. Типова

Цѣна 6 рублей

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

